ДБ
300
Г13

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ
И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
1843 — 1865 Г.

ДБ
300
Г13.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ

1843-1865 г.

Воспоминанія очевидцевъ болѣзни и кончины Цесаревича.

Часовня и новый храмъ въ Ниццѣ на мѣстѣ кончины Цесаревича

Составилъ А.П.Гаденко
членъ Высочайше утвержденной коммиссіи по постройкѣ храма въ Ниццѣ.

2й экз.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
57192

Въ Ниццу, благодаря ея исключительному въ климатическомъ отношеніи положенію, съѣзжаются на зимній сезонъ со всѣхъ концовъ міра.

Сюда же въ декабрѣ 1864 г. пріѣхалъ для поправленія здоровья Наслѣдникъ Россійскаго Престола Цесаревичъ Николай Александровичъ, старшій сынъ Царя-Освободителя.

Южное солнце и чудный климатъ не могли одолѣть проникшаго глубоко недуга и 12 апрѣля 1865 года Цесаревичъ скончался въ Ниццѣ, на виллѣ Бермонъ.

Очевидецъ этого горестнаго событія, князь П. Вяземскій, подъ первымъ впечатлѣніемъ въ письмѣ изъ Ниццы, 20 апрѣля 1865 г., пишетъ[1]):

«Незабвенно горестное впечатлѣніе и воспоминаніе, глубоко въ душу запавшія, навсегда оставила намъ Ницца. Силою событій вторгается и записывается она въ нашу народную лѣтопись. Отнынѣ принадлежитъ она русской исторіи. Глядя на этотъ домъ, припоминая въ этой временной усыпальницѣ все, что здѣсь происходило, больно думать, что сей домъ можетъ со временемъ попасть Богъ знаетъ въ какія руки и какое назначеніе ему готовится. Нѣтъ! Мѣсто русское, святое мѣсто, на которомъ свершилась великая русская скорбь, не можетъ, не должно оставаться чуждымъ Россіи. Почему бы Россіи не купить этого дома съ принадлежащей ему землею? Можно бы въ комнатѣ, въ которой почилъ въ Бозѣ нашъ молодой Цесаревичъ, устроить часовню... Надобно, чтобы вилла Бермонъ была русскою собственностью, освященною памятью и любовью къ усопшему Цесаревичу».

Дѣйствительно, эта вилла Бермонъ съ окружающимъ ее роскошнымъ садомъ была пріобрѣтена въ собственность Императоромъ Але-

---

[1]) № 102 «Сѣверной Почты» 1865 г.

ксандромъ II, и на мѣстѣ виллы, въ которой скончался Цесаревичъ, сооружена часовня по рисункамъ и модели академика Гримма.

26 марта 1868 года въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, впослѣдствіи Императора Александра III, часовня была торжественно освящена.

Когда въ этой мѣстности планировался городъ, муниципалитетъ города Ниццы назвалъ проектируемый вблизи виллы Бермонъ широкій, красивый бульваръ—бульваромъ Цесаревича (Boulevard du Czarewitch), а роскошный паркъ и одна изъ лучшихъ гостиницъ Ниццы надъ виллой Бермонъ названы «Паркъ Имперіаль» и «Отель Имперіаль»; другая по сосѣдству гостиница называется «Hôtel du Czarewitch». Изъ такого отношенія французовъ къ памятному для русскихъ мѣсту можно заключить, что пребываніе Цесаревича, Его кончина, пріѣздъ Царской Фамиліи и торжество перенесенія тѣла въ Вильфраншъ на русскій фрегатъ оставили глубокое впечатлѣніе среди мѣстнаго населенія.

Въ настоящій моментъ среди садовъ виллы Бермонъ, рядомъ съ часовней сооруженъ новый роскошный православный храмъ во имя Св. Николая Миръ-Ликійскаго, въ стилѣ Московско-Ярославскихъ соборовъ XVII в., и новый проѣздъ къ храму получилъ, съ разрѣшенія Государя Императора, названіе «Avenue Nicolas II».

Мѣсто это теперь увѣковѣчено; но событія прошли давно, многое уже забыто, и поэтому воспроизведеніе воспоминаній очевидцевъ происшедшей на этомъ мѣстѣ русской скорби можетъ послужить лучшимъ дополненіемъ къ описанію новаго храма. Въ собраніи этихъ воспоминаній заключается наша скромная задача.

А. Гаденко.

Ницца 1911 г.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

1843–1865 г.

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь
Николай Александровичъ
въ маѣ 1864 г.

Сентября 8, 1843 года, у Наслѣдника Россійскаго Престола Цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи Императора Александра II и Его супруги Великой Княгини Маріи Александровны родился Сынъ-Первенецъ, Великій Князь Николай Александровичъ.

Въ ознаменованіе столь радостнаго событія счастливые Родители пожертвовали по 10.000 рублей для выкупа неоплатныхъ должниковъ и раздачи пособій бѣднѣйшимъ жителямъ обѣихъ столицъ.

18 февраля 1855 года Императоръ Николай I скончался и Александръ II вступилъ на прародительскій престолъ.

19 февраля Государственный Совѣтъ, выслушавъ Высочайшій манифестъ, мнѣніемъ положилъ: «принести присягу на вѣрность подданства Государю Императору и Наслѣднику Его Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу». Въ тотъ же день въ придворномъ соборѣ, въ присутствіи Государя и Императрицъ, всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, высшихъ государственныхъ сановниковъ, военныхъ и придворныхъ чиновъ, министръ юстиціи прочиталъ манифестъ о воцареніи, а духовникъ Ихъ Величествъ, протопресвитеръ Бажановъ провозгласилъ въ общее услышаніе присягу на вѣрность подданства Государю Императору и Наслѣднику Его Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу.

8 сентября 1859 года совершилось провозглашеніе совершеннолѣтія Наслѣдника Престола Цесаревича Николая Александровича. Принесеніе присяги происходило въ Зимнемъ Дворцѣ. По этому случаю Государь издалъ слѣдующій манифестъ: «Хранимый небеснымъ Провидѣніемъ, воспитанный Нами въ неуклонномъ слѣдованіи правиламъ Церкви православной, въ теплой любви къ отечеству, въ сознаніи своего долга, Его Императорское Высочество достигъ въ текущемъ году установленнаго основными законами нашими совершеннолѣтія, и по при-

несеніи сего числа Всевышнему благодарственнаго молебствія, торжественно, въ присутствіи Нашемъ, произнесъ присягу на служеніе Намъ и государству».

Первыми воспитателями Цесаревича были генералъ-адъютантъ Н. В. Зиновьевъ, съ двумя помощниками—генераломъ Гоголемъ и генераломъ Казаковымъ. Учебной частью вначалѣ завѣдывалъ Я. К. Гротъ. Впослѣдствіи, по желанію Императрицы, былъ назначенъ во главѣ ученія В. П. Титовъ, который составилъ проектъ особаго учебнаго заведенія, въ которомъ Великіе Князья должны были учиться вмѣстѣ съ дворянскими и сановными дѣтьми. Проектъ не встрѣтилъ сочувствія ни у Государя ни у Императрицы.

Наконецъ выборъ Государя палъ на графа С. Г. Строганова, который былъ назначенъ попечителемъ и находился при Цесаревичѣ до самой Его кончины.

Въ числѣ учителей Цесаревича были: К. Д. Кавелинъ, М. М. Стасюлевичъ, Я. К. Гротъ, К. П. Побѣдоносцевъ, И. К. Бабстъ, Ѳ. М. Буслаевъ, С. М. Соловьевъ, А. И. Чивилевъ, Куріаръ, Н. Х. Бунге, Б. Н. Чичеринъ, Кудрявцевъ, И. Е. Андреевскій, генералъ Платовъ и Драгомировъ.

Профессоръ Чивилевъ даетъ такую характеристику своему Августѣйшему Воспитаннику: «Наслѣдникъ Великій Князь Николай Александровичъ уменъ, способенъ къ труду мысли и сочувствуетъ всѣмъ высшимъ ея интересамъ, но слишкомъ мягокъ сердцемъ. Можетъ-быть съ лѣтами и опытомъ онъ немного окрѣпнетъ, что ему необходимо, ибо его ожидаетъ бурная будущность». (Дневникъ А. В. Никитенко.)

Въ 1861 г. Цесаревичъ совершилъ путешествіе по Россіи. Въ 1862 г. съ 7 іюля по 1 августа Цесаревичъ провелъ время въ Либавѣ, гдѣ въ это время находились Великіе Князья Александръ и Владиміръ Александровичи и Великія Княжны Марія и Евгенія Максиміліановны съ младшими братьями, и гдѣ съ ними пробылъ Государь и Императрица съ 15 по 27 іюля.

О. Б. Рихтеръ.
Н. П. Литвиновъ. Протоіерей И. В. Рождественскій. Гр. Б. А. Перовскій.
В. К. Владиміръ Александровичъ. Гр. А. А. Толстая.
В. К. Александръ Александровичъ.
Евгенія Максимиліановна Лейхтенбергская. В. К. Николай Александровичъ. Марія Максим. Лейхтенбергская. Александровичъ.
Сергѣй и Николай Максимиліановичи Лейхтенбергскіе.

Группа снята въ Либавѣ 1 августа 1862 года.

Цесаревичъ былъ душой всего общества; о разставаніи съ нимъ въ дневникѣ Н. П. Литвинова находимъ слѣдующія строки:

«1 августа. Среда. Послѣ завтрака мы собрались къ фотографу, гдѣ сняли группу со всѣхъ тѣхъ, которые были въ Либавѣ съ Великими Князьями и Великими Княжнами, не исключая, конечно, и ихъ самихъ.

«Послѣ обѣда мы всѣ сидѣли съ В. К. Наслѣдникомъ на балконѣ, приготовляясь къ предстоящей разлукѣ съ Нимъ. Послѣдній разъ сыграли съ Нимъ въ шары, послѣдній разъ прогулялись съ Нимъ по Шнобелевскому саду, послѣдній разъ спѣли съ Нимъ Либавскіе мотивы и, наконецъ, простясь со всѣми закоулками сада, отправились провожать Его въ путь-дорогу. Сначала мы заѣхали къ Маріи Максиміліановнѣ, гдѣ просидѣли съ часъ времени и, наконецъ, въ 7 часовъ поѣхали на «Штандартъ» ,чтобы окончательно проститься съ Нимъ. Затѣмъ поѣхали на берегъ моря, чтобы проводить глазами отъѣзжающій пароходъ».

Въ 1863 г. Цесаревичъ снова совершилъ путешествіе по Россіи. Его сопровождали Побѣдоносцевъ и Бабстъ. Побѣдоносцевъ долженъ былъ объяснять учрежденія, Бабстъ—экономическое состояніе края. Не была забыта и художественная сторона, для чего былъ приглашенъ художникъ Боголюбовъ. Затѣмъ графомъ Строгановымъ былъ разработанъ планъ путешествія Цесаревича за границу въ смыслѣ научно-образовательномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ была цѣль дать возможность Цесаревичу сдѣлать по сердцу выборъ невѣсты.

Въ концѣ апрѣля 1864 года Б. Н. Чичеринъ получилъ отъ графа Строганова письмо съ извѣщеніемъ, что «путешествіе Наслѣдника, наконецъ, рѣшено», и съ предложеніемъ Чичерину сопровождать ихъ. Кромѣ Чичерина свиту Наслѣдника составляли: О. Б. Рихтеръ, Ѳ. А. Оомъ, П. А. Козловъ, князь В. А. Барятинскій и докторъ Шестовъ.

«Я скоро увидѣлъ,—писалъ Чичеринъ,—что я былъ въ путешествіи необходимымъ элементомъ, ибо мы одни съ графомъ Строгановымъ могли поддерживать серьезный умственный разговоръ, въ которомъ

Наслѣдникъ, со свойственною ему воспріимчивостью, всегда принималъ живой интересъ»[1]).

12 іюня 1864 года Наслѣдникъ выѣхалъ изъ Царскаго Села.

За нѣсколько дней до отъѣзда, Цесаревичъ въ Петергофѣ, съ балкона верхняго этажа Своего домика въ Александріи сказалъ Оому: «Если Я за границею увижу одинъ такой прелестный видъ, то Я буду вполнѣ доволенъ». «Казалось,—замѣчаетъ Оомъ,—Цесаревичъ вообще неохотно разставался съ Петергофомъ, да и вообще съ родиной».

Послѣ остановки въ Киссингенѣ, гдѣ Императрица пила воды и гдѣ находился самъ Государь, Наслѣдникъ черезъ Ганноверъ, Веймаръ, прибылъ со свитою въ Схевининген (близъ Гааги) для купанья въ морѣ. Послѣ мѣсячнаго пребыванія здѣсь, Цесаревичъ, прочитавъ извѣстіе о перемиріи между Пруссіей и Даніей, съ разрѣшенія Государя, поѣхалъ въ Данію. Очарованный принцессою Дагмарой, Наслѣдникъ черезъ нѣсколько дней отправился въ Дармштадтъ, чтобы получить отъ родителей разрѣшеніе сдѣлать предложеніе принцессѣ.

3 сентября 1864 года изъ Киля Цесаревичъ со Своей свитой снова отправился на царской яхтѣ въ Копенгагенъ. Свита осталась въ Копенгагенѣ, а Цесаревичъ съ графомъ Строгановымъ и Рихтеромъ отправились къ Королевской семьѣ, въ загородный дворецъ.

«Къ вечеру намъ,— пишетъ Чичеринъ,— прислали сказать, что мы можемъ ѣхать съ поздравленіемъ».

Помолвка произошла 20 сентября 1864 года. Изъ Дармштадта С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ Государя: «Возвѣстить обывателямъ столицы 101 пушечнымъ выстрѣломъ о помолвкѣ Наслѣдника съ принцессой Датской Дагмарою. Мы увѣрены, что всѣ Наши вѣрноподданные раздѣлятъ Нашу радость и вмѣстѣ съ Нами призовутъ Божіе благословеніе на юную чету». Передъ молебствіемъ въ Исаакіевскомъ соборѣ архіепископъ Рижскій Платонъ (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій) въ своемъ

---

[1]) Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 22.

Великій Князь
Николай Александровичъ.
Гр. Б. А. Перовскій. *О. Б. Рихтеръ.*
Вел. Кн. Александръ Александровичъ.

словѣ сказалъ: «Да и можно ли не желать счастья и благословенія Божія такой любезной четѣ, какъ нашъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и возлюбленная Его невѣста? Первый и тѣломъ благолѣпенъ и душою благосвѣтелъ, какъ ясный мѣсяцъ; а послѣдняя, говорятъ, прекрасна лицомъ и сердцемъ, какъ утренняя заря». (Дагмара на Датскомъ языкѣ значитъ «утренняя заря»).

Въ началѣ октября 1864 г. Цесаревичъ черезъ Штутгардтъ, Нюренбергъ, Мюнхенъ, Тироль поѣхалъ въ Венецію.

«Въ Венеціи въ первый разъ появились признаки той болѣзни, которая должна была свести Его въ могилу»,—пишетъ Чичеринъ.—«Онъ почувствовалъ сильную усталость и въ послѣдніе дни уже съ видимо ослабѣвшимъ интересомъ осматривалъ картины». Изъ Венеціи, черезъ Миланъ, Цесаревичъ прибылъ въ Туринъ, гдѣ обѣдалъ у короля Виктора-Эммануила и у принца Гумберта, который, по словамъ Чичерина, совершенно не могъ удовлетворить любознательность Наслѣдника; Цесаревичъ, желая узнать отъ наслѣднаго принца нѣкоторыя подробности по судебной части, такъ какъ у насъ предполагались введенія по образцу Итальянской, получилъ отъ принца отвѣтъ: «Вы меня спрашиваете о вещахъ, о которыхъ я не имѣю никакого понятія. У Васъ, въ монархическихъ странахъ, князья обязаны знать законъ и учрежденія; у насъ—это дѣло палатъ».

Изъ Турина Наслѣдникъ проѣхалъ въ Геную и Ниццу, куда прибыла на зиму Императрица. Изъ Ниццы, черезъ нѣсколько дней на Русскомъ военномъ кораблѣ черезъ Ливорно, Наслѣдникъ со свитой прибылъ во Флоренцію.

Въ это время Цесаревичъ былъ полонъ радужныхъ надеждъ и мечталъ о Своей будущей семейной жизни. Князь В. Мещерскій въ книгѣ «Мои воспоминанія» пишетъ: «Цесаревичъ мнѣ передавалъ Свои новыя и прелестныя ощущенія жениха.— Теперь Я у берега,—говорилъ Онъ,—Богъ дастъ, отдохну и укрѣплюсь зимою въ Италіи, затѣмъ свадьба, а потомъ новая жизнь, семейный очагъ, служба и работа...» Эти же чувства сквозятъ и въ письмѣ Цесаревича изъ Флоренціи къ

Н. П. Литвинову [1]), въ которомъ Наслѣдникъ, между прочимъ, пишетъ: «Хорошія Я пережилъ минуты и искренно благодарю Бога, что нашелъ то, чего такъ желалъ, о чемъ такъ долго мечталъ: любить и быть любиму. Лишь бы по плечу пришлось счастье!» Много писемъ писалъ Наслѣдникъ за это время Своему другу и любимому брату Александру Александровичу. Въ дневникѣ Литвинова отъ 1-го мая 1865 года написано: «Послѣ обѣда Александръ Александровичъ позвалъ меня къ Себѣ и предложилъ почитать съ Нимъ письма покойнаго Николая Александровича. Всѣ 18 писемъ были прочитаны подъ рядъ; чтеніе полное интереса и глубоко трогательное. Предпослѣднее письмо, кажется, писаное въ мартѣ мѣсяцѣ, Александръ Александровичъ читалъ заливаясь слезами». Трогательна была дружба и любовь между этими двумя братьями. Чуть не самыя послѣднія предсмертныя слова Николая Александровича были: «Папа, береги Сашу; это такой честный, хорошій человѣкъ». Императрицѣ Цесаревичъ говорилъ, что никому не пишетъ такихъ нѣжныхъ писемъ, какъ «Сашѣ», и даже не можетъ дать себѣ отчета, кого Онъ больше любитъ—«Сашу или Дагмару» [2]).

Александръ Александровичъ пользовался каждой свободной минутой, чтобы быть вмѣстѣ со Своимъ любимымъ братомъ, который служилъ неоспоримымъ для Него авторитетомъ. На замѣчанія Своего воспитателя Александръ Александровичъ пренаивно отвѣчалъ, «что такъ «Никсъ» (Николай Александровичъ) дѣлаетъ» [3]). Когда Николай Александровичъ выѣхалъ за границу, въ дневникѣ воспитателя Александра Александровича подъ 18 іюня 1864 г. записано: «Александръ Александровичъ теперь остался одинъ! Дай Богъ, чтобы лишеніемъ брата, къ которому Онъ такъ привязался, чтобы лучшаго Его друга не замѣнили ложные или вредные друзья!»

---

[1]) Воспитатель Великихъ Князей Александра Александровича и Владиміра Александровича. Письмо приведено дальше.

[2]) Изъ дневника Н. П. Литвинова. «Истор. Вѣстникъ» 1907 г.

Во Флоренціи съ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ сдѣлался жесточайшій припадокъ. Рѣшили возвратиться въ Ниццу, къ Императрицѣ, которая очень безпокоилась за сына, и выѣхали изъ Флоренціи 20 декабря 1864 года.

Въ Ниццѣ Цесаревичъ поселился въ виллѣ Гизбахъ на Promenade des Anglais. Въ мартѣ Наслѣднику стало хуже. Собранные на консиліумъ доктора рѣшили, что это, вѣроятно, происходитъ отъ приморскаго климата. Послали Оома нанять виллу на берегахъ Комскаго озера, а Наслѣдника перевели въ отдаленную отъ моря виллу Бермонъ, рядомъ съ виллой Императрицы.

Здоровье Наслѣдника все ухудшалось. 4 апрѣля 1865 года выѣхалъ въ Ниццу Великій Князь Александръ Александровичъ, а вечеромъ 6 апрѣля выѣхалъ Государь съ Владиміромъ Александровичемъ. По дорогѣ къ Нимъ присоединилась принцесса Дагмара.

12 апрѣля безъ 10 минутъ часъ ночи 1865 года скончался Цесаревичъ Николай Александровичъ. 14 апрѣля тѣло Наслѣдника перенесено въ русскую церковь. 16 апрѣля было перенесеніе тѣла въ Вильфраншъ на фрегатъ «Александръ Невскій». 21 мая тѣло прибыло въ Кронштадтъ; 25 мая состоялось перенесеніе въ Петропавловскую крѣпость, и затѣмъ 28 совершено погребеніе въ усыпальницѣ Императорскаго Дома, въ крѣпостномъ Петропавловскомъ соборѣ.

Высочайшій манифестъ 12 апрѣля 1865 года оповѣстилъ Россію о кончинѣ царскаго Первенца: «Всевышнему угодно было поразить Насъ страшнымъ ударомъ. Любезный сынъ Нашъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ скончался въ городѣ Ниццѣ сего апрѣля въ 12-й день, послѣ тяжкихъ страданій. Болѣзнь, постигшая Его Императорское Высочество еще въ началѣ прошедшей зимы, во время совершаемаго путешествія по Италіи, не представлявшая, повидимому, опасеній за столь драгоцѣнную Намъ жизнь, хотя медленно, но, казалось, уступала дѣйствію предпринятаго лѣченія и вліянію южнаго климата, когда внезапно появившіеся признаки явной опасности побудили Насъ поспѣшить отъѣздомъ изъ Россіи.

Въ глубокой скорби Нашей Мы имѣли утѣшеніе свидѣться съ любезнѣйшимъ Сыномъ Нашимъ до Его кончины, поразившей Насъ и весь домъ Нашъ ударомъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ и сильнымъ, что печальному событію сему суждено было совершиться на чужбинѣ, вдали отъ Нашего отечества. Но покоряясь безропотно Промыслу Божію, Мы молимъ Всемогущаго Творца вселенныя, да дастъ Намъ твердость и силу къ перенесенію глубокой горести, Его волею Намъ ниспосланной. Въ твердомъ убѣжденіи, что всѣ вѣрные Наши подданные раздѣлятъ съ Нами душевную скорбь Нашу, Мы въ немъ лишь находимъ утѣшеніе и призываемъ ихъ къ усерднымъ вмѣстѣ съ Нами моленіямъ объ упокоеніи души возлюбленнаго Сына Нашего, оставившаго міръ сей среди надеждъ, Нами и всею Россіей на Него возлагаемыхъ. Да осѣнитъ Его десница Вышняя въ мірѣ лучшемъ, гдѣ нѣсть болѣзни, ни печали!

«Лишившись Первороднаго Сына и прямого преемника Нашего, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Мы, на точномъ основаніи закона о престолонаслѣдіи, провозглашаемъ Второго Сына Нашего, Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Александровича Наслѣдникомъ Нашимъ и Цесаревичемъ».

На другой день погребенія Цесаревича, въ Зимнемъ Дворцѣ, Императоръ въ сопровожденіи Цесаревича Александра Александровича вышелъ къ многочисленнымъ депутаціямъ отъ всѣхъ сословій, къ представителямъ петербургскаго дворянства и городского общества и обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью:

«Я желалъ васъ видѣть, господа, чтобы лично изъявить отъ-Себя и отъ имени Императрицы Нашу сердечную благодарность за участіе всей семьи русской въ Нашемъ семейномъ горѣ. Единодушіе, съ которымъ всѣ сословія выразили Намъ свое сочувствіе, Насъ глубоко тронуло и было единственною для Насъ отрадою въ это скорбное время. Въ единодушіи этомъ Наша сила, и пока оно будетъ существовать, Намъ нечего бояться ни внѣшнихъ ни внутреннихъ враговъ. Покойному Сыну суждено было, во время путешествія Его по Россіи въ 1863 году,

быть свидѣтелемъ подобнаго же единодушія, вызваннаго тогда посягательствомъ враговъ Нашихъ на древнее достояніе русскихъ и на единство государства... Да сохранится единодушіе это навсегда! Прошу васъ, господа, перенести на теперешняго Наслѣдника Моего тѣ чувства, которыя вы питали къ покойному Его Брату. За Его же чувства къ вамъ Я ручаюсь. Онъ любитъ васъ такъ же горячо, какъ Я васъ люблю и какъ любилъ васъ покойный. Молитесь Богу, чтобы Онъ сохранилъ Его Намъ для будущаго благоденствія и славы Россіи».[1])

[1]) Императоръ Александръ II. С. Татищева.

НА КОНЧИНУ
ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Давно-ль, надеждъ святыхъ полна,
Его на путь въ края чужіе
Благословляла вся Россія,
Его наслѣдная страна?
О Немъ усердныя молитвы
Народъ усердно возсылалъ:
Отъ насъ Наслѣдникъ уѣзжалъ
Не въ вражій станъ, не въ поле битвы.
Прощался Онъ съ Отцомъ-Царемъ
И оставлялъ страну родную,
Чтобъ ввесть подругу молодую
Въ Благословленный Царскій домъ.
Мечтали мы о счастьѣ, славѣ,
Сердца вкушали сладкій миръ,
И Царь готовилъ брачный пиръ
Своей Семьѣ, Своей державѣ.
И вотъ подругу онъ избралъ,
Звѣзду и сердцемъ и красою,

Не даромъ «Утренней Зарею»
Ее Отецъ именовалъ...
Давно ль вѣсть радостная эта
По всей отчизнѣ пронеслась,
И дружно Русь отозвалась
На слово царскаго привѣта...
Но вотъ надъ нашей головой
Все также ясенъ цвѣтъ лазури,
Въ природѣ миръ, не слышно бури,
А въ сердцѣ скорбь и мракъ ночной.
Пришла изъ Ниццы вѣсть другая;
Какъ громъ нагрянула бѣда;
Онъ насъ оставилъ навсегда,—
Его болѣзнь сразила злая.
Угаснулъ Онъ въ странѣ чужой;
Покрылись блѣдностью ланиты;

Его глаза навѣкъ закрыты
Невѣсты нѣжною рукой.
Угаснулъ Онъ подъ небомъ Ниццы,
Вдали отъ насъ. Лишь бренный прахъ
Плыветъ покоиться въ стѣнахъ
Одѣтой трауромъ столицы...
О Мать! Грусти и слезы лей!
Твоя слеза—слеза святая!
Ее Премудрость всеблагая
Дала усладою скорбей.
Какъ человѣкъ, скорбя душою,
И Ты, Отецъ, грусти, рыдай!
Какъ Царь, будь твердъ. Не забывай,
Что Твой народъ груститъ съ тобою...

Горѣ Вашъ взоръ! Горѣ сердца!
О, будьте полны упованья!
Есть лучшій міръ, гдѣ нѣтъ страданья,—
Страна, гдѣ жизни нѣтъ конца.
Туда Вашъ Сынъ отозванъ Богомъ,
И вѣримъ мы: конечно, Онъ
Ему земной замѣнитъ тронъ
Небеснымъ, блещущимъ чертогомъ.
А ты, съ которой думалъ Онъ,
Соединясь навѣки вскорѣ,
Дѣлить и радости и горе,
Прими привѣтъ нашъ и поклонъ,
За то, что Ты Его любила,
И что послѣдней жизни часъ
Тому, Кто дорогъ былъ для насъ,
Своей любовью усладила.

В. Бажановъ 2-й.

Это стихотвореніе найдено въ дневникѣ Н. П. Литвинова.

Воспоминанія очевидцевъ о болѣзни и кончинѣ Цесаревича.

Адмиралъ Д. С. Арсеньевъ пишетъ о предполагаемой болѣзни Цесаревича[1]): «За нѣсколько дней до Ихъ Величествъ выѣхалъ за границу Наслѣдникъ Великій Князь Николай Александровичъ. Онъ поѣхалъ сначала въ Берлинъ, а оттуда въ Копенгагенъ, гдѣ долженъ былъ увидѣть принцессу Дагмару, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ благопріятнаго впечатлѣнія, просить ея руки.

«Въ это время Цесаревичъ еще не былъ совершенно боленъ, но здоровье Его было уже нехорошо; Онъ страдалъ иногда сильными болями въ спинѣ, такъ что иногда долженъ былъ ходить согнувшись. Такъ какъ временами боль, если и не проходила совсѣмъ, утихала, то никому и не приходило въ голову, что Онъ серьезно боленъ.

«Цесаревичъ не былъ лихимъ кавалеристомъ и, кажется, даже не особенно любилъ ѣзду верхомъ, хотя ѣздилъ очень хорошо.

«Когда при наступленіи Его совершеннолѣтія (т.-е. 16-ти лѣтъ) Ему назначили попечителемъ графа Строганова, то графъ Строгановъ задумалъ Его сдѣлать спортсменомъ и настоялъ на томъ, чтобы Онъ— Наслѣдникъ Русскаго Престола, котораго жизнь была такъ драгоцѣнна, скакалъ на скачкахъ. Результатомъ этого было страшное паденіе Цесаревича съ лошади на всемъ скаку; Онъ упалъ на спину и болѣе часа лежалъ безъ памяти; но потомъ Цесаревичъ пришелъ въ себя, и паденіе, какъ-будто, по мнѣнію докторовъ, оказалось безъ важныхъ послѣдствій. Вѣроятно, что во время паденія спиною о землю была повреждена надкостная плева надъ однимъ изъ позвонковъ спинного хребта, что и произвело потомъ порчу позвонка, оказавшуюся послѣ смерти Цесаревича, при вскрытіи Его тѣла».

---

[1]) «Русскій Архивъ» № 11, 1910 г. Изъ записокъ адмирала Д. С. Арсеньева.

Профессоръ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, состоявшій преподавателемъ Государственнаго права покойному Наслѣднику, въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ[1]):

«Графу Строганову очень хотѣлось, чтобы Наслѣдникъ посѣщалъ нѣкоторыя Университетскія лекціи, но послѣ недавнихъ исторій опасались какихъ-нибудь демонстрацій со стороны студентовъ, а потому Онъ съ горестью отказался отъ этого предположенія. Насъ всѣхъ, прежнихъ и приглашенныхъ вновь преподавателей, собрали на обѣдъ, гдѣ я въ первый разъ увидѣлъ своего будущаго Слушателя. Онъ произвелъ на меня самое выгодное впечатлѣніе. Высокій, стройный, красивый, при этомъ умный, живой и привѣтливый, Онъ могъ очаровать и привязать къ себѣ тѣхъ, кто къ Нему подходилъ».

Въ концѣ апрѣля 1864 года Чичеринъ получилъ отъ графа С. Г. Строганова письмо съ извѣщеніемъ, что путешествіе Наслѣдника, наконецъ, рѣшено. Главная цѣль поѣздки былъ Римъ, гдѣ предполагалось провести четыре или пять зимнихъ мѣсяцевъ. 12 іюня 1864 года Наслѣдникъ выѣхалъ изъ Царскаго Села.

О пребываніи Наслѣдника въ Киссингенѣ нашъ Штутгардтскій протоіерей Базаровъ сообщаетъ слѣдующее любопытное свѣдѣніе: «Какъ мы оставались въ Штутгардтѣ, я получалъ постоянныя извѣстія изъ Киссингена отъ моего псаломщика М. Горчакова [2]) о ходѣ богослуженія и обо всемъ тамъ происходившемъ. Особенно интересна была встрѣча псаломщика Горчакова съ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. Великій Князь встрѣтился съ М. Горчаковымъ въ церкви, когда тотъ былъ одинъ тамъ, приготовляя нужныя книги къ предстоящей спѣвкѣ. Подойдя къ Горчакову, Онъ отрекомендовался такими словами:

— Честь имѣю представиться: Наслѣдникъ Всероссійскаго Престола.

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. Барсукова, кн. 22.

[2]) М. И. Горчаковъ, впослѣдствіи профессоръ богословія въ СПБ. Университетѣ, скончался 7-го августа 1910 г.

Затѣмъ у нихъ произошелъ такой разговоръ:

— Изъ какой вы семинаріи?—спрашиваетъ Наслѣдникъ.

— Изъ академіи, Ваше Высочество.

— Даже изъ академіи! Я надѣюсь быть знакомымъ съ вами!

«На другой день,—продолжаетъ Горчаковъ,—Государь Наслѣдникъ явился на спѣвку, говорилъ со мною, шутилъ и шалилъ. Потомъ Наслѣдникъ призывалъ меня въ Свою комнату, былъ милостивъ со мною до высшей степени».

«Это извѣстіе,—пишетъ о. Базаровъ,—меня очень порадовало, особенно въ томъ отношеніи, что моя мысль объ ученыхъ псаломщикахъ за границею нашла такое оправданіе себѣ въ первыхъ представителяхъ этого званія, какими были у меня Горчаковъ и Розановъ. Оказалось на дѣлѣ, что не мѣсто человѣка краситъ, а человѣкъ мѣсто».

«Изъ Веймара Наслѣдникъ поѣхалъ въ Схевенингенъ (близъ Гааги) для купанья въ морѣ. Тамъ мы пробыли мѣсяцъ и жили исключительно въ своей компаніи, купались въ морѣ, гуляли, осматривали достопримѣчательности страны. Всѣ были бодры и веселы. Никакихъ придворныхъ пріемовъ не было. Живя въ Схевенингенѣ, Наслѣдникъ читалъ исторію Мотлея, которая могла внушить уваженіе къ изумительной стойкости этого маленькаго народа и къ доблестямъ его героевъ.

Въ нашихъ поѣздкахъ, разумѣется, не былъ забытъ и Заандамъ,—эта колыбель русскаго величія. Съ глубокимъ благоговѣніемъ вошли мы въ низенькій деревянный домикъ, гдѣ жилъ могучій геній, создавшій новую Россію; мы видѣли простые стулья и убогую кровать, на которой богатырь едва могъ растянуться. Здѣсь онъ въ униженномъ видѣ работалъ неутомимо для славы своего народа, и теперь на поклоненіе его памяти въ эту великую хижину являлся Наслѣдникъ Русскаго Престола, хранитель великихъ преданій, будущій властитель земли, разросшейся во всѣ стороны и ставшей одною изъ могущественнѣйшихъ державъ въ мірѣ. Мы нашли здѣсь и слѣды прежнихъ посѣщеній Русскихъ Царственныхъ Особъ, подписи въ книгѣ, стихи Жуковскаго; нашли и курьезный переводъ, сдѣланный на доскѣ голландской над-

писи: «Ничто великому человѣку мало» (Nichts ist dem grossen Mann zu Klein).

Слѣдующее стихотвореніе написано княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ уже послѣ смерти Наслѣдника Цесаревича, и какъ свидѣтельствуетъ авторъ, по просьбѣ Кнорринга, нашего посланника въ Голландіи, который жаловался, что въ Саардамскомъ домикѣ нѣтъ никакой надписи, свидѣтельствующей о посѣщеніи покойнаго Цесаревича:

Домикъ Петра Великаго.

«И Онъ былъ здѣсь, Царевичъ молодой,
Въ семъ скромномъ домикѣ, горнилѣ Русской славы,
Гдѣ нѣкогда нашъ Петръ, нашъ Труженикъ-герой,
Самъ вырабатывалъ пророческой рукой
Грядущія судьбы своей державы.
Въ священномъ мѣстѣ семъ паломникъ молодой,
Предъ яркой памятью Петра благоговѣя
И съ нимъ къ отечеству любовью пламенѣя,
Здѣсь слухомъ набожнымъ и жаждущей душой
Внималъ таинственно минувшихъ лѣтъ преданью...
И повѣсть славную и чудную читалъ,
Которую въ урокъ и къ подражанью,
Потомству своему самъ предокъ завѣщалъ.
Здѣсь Промыслъ Онъ молилъ тревожно и сердечно,
Чтобъ могъ и Онъ, когда Ему укажетъ Богъ,
Свой подвигъ царственный исполнить безупречно,
Всего Себя отдавъ Отечеству въ залогъ;
И думы многія въ младой душѣ кипѣли,
Въ глазахъ огнь сверкалъ и теплилась слеза.
Но юныхъ думъ плоды для жатвы не созрѣли:
Въ зародышѣ самомъ побила ихъ гроза.
И прадѣдъ съ правнукомъ въ обители загробной—
Одинъ въ бою земномъ испытанный боецъ,
Другой минутный гость, гость Ангелу подобный,
Блеснувшій на землѣ, но не земли жилецъ,—
Изъ жизни временной сошлися въ жизни вѣчной;
Но вѣрные любви и клятвѣ прежнихъ дней,
Россію возлюбивъ любовью безконечной,
Надъ нею носятся и молятся о ней».

Въ газетахъ появилось между тѣмъ извѣстіе о перемиріи между Пруссіей и Даніей. Цесаревичъ, прочитавъ это и не говоря никому ни слова, телеграфировалъ Государю о позволеніи ѣхать въ Данію. Получивъ разрѣшеніе, Его Высочество потребовалъ къ себѣ Оома и объявилъ, что черезъ два дня уѣзжаетъ въ Копенгагенъ. По прибытіи въ Копенгагенъ, остановились въ домѣ нашего посланника барона Николаи. На другой день отправились въ замокъ Фреденсборгъ, гдѣ Цесаревичъ былъ встрѣченъ всею Королевскою фамиліей на наружной лѣстницѣ, ведущей въ замокъ.

— Тутъ впервые,—писалъ Оомъ,—увидѣлъ я шестнадцатилѣтнюю принцессу Дагмару.

«Съ перваго взгляда, — пишетъ Чичеринъ, — впечатлѣніе было самое благопріятное: мы увидѣли прелестную молодую дѣвушку, которая тотчасъ полюбилась Наслѣднику, и мы всѣ были очарованы».

Черезъ нѣсколько дней мы уѣхали въ Дармштадтъ, гдѣ Наслѣдникъ долженъ былъ сообщить Своимъ Родителямъ о результатѣ Своего посѣщенія. Императрица гостила тамъ у Своего брата.

Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ и Государь. Затѣмъ намъ предстояло ѣхать на Прусскіе маневры въ Бранденбургъ.

Въ Берлинѣ Цесаревичъ сталъ жаловаться на боли въ спинѣ, и когда О. Б. Рихтеръ доложилъ объ этомъ Государю, Его Величество былъ крайне недоволенъ, говоря, что погода хороша и ревматизмъ не можетъ ухудшиться. Между тѣмъ съ 5 часовъ утра до обѣда Цесаревичъ долженъ былъ верхомъ слѣдовать за Государемъ на маневрахъ.

3 сентября 1864 года мы выѣхали изъ Берлина въ Копенгагенъ. Наслѣдникъ съ граф. Строгановымъ и Рихтеромъ тотчасъ отправились въ загородный дворецъ, гдѣ находилась Датская Королевская семья, а прочіе остались въ Копенгагенѣ дожидаться результата.

Къ вечеру намъ прислали сказать, что мы можемъ ѣхать съ поздравленіемъ. Мы встрѣтили молодую чету въ коридорѣ, отправляющуюся вдвоемъ подъ руку въ свои апартаменты. Мы съ неудержимымъ порывомъ бросились ихъ поздравлять. Помолвка произошла 20 сен-

Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ
Николай Александровичъ.

Снятъ въ Даніи, въ сентябрѣ 1864 г.,
фотогр. I. Petersen.

Принцесса Дагмара.

Снята въ Даніи, въ сентябрѣ 1864 г.,
фот. I. Petersen.

тября 1864 г., и въ этотъ же день былъ отправленъ въ Дармштадтъ князь В. А. Барятинскій для испрошенія родительскаго соизволенія на обрученіе.

Среди забавъ и развлеченій, которыя для молодежи имѣли свою прелесть, наступила минута отъѣзда. Прощаніе было самое сердечное и трогательное. Мы прямо проѣхали въ Дармштадтъ, гдѣ Царская Семья съ радостнымъ чувствомъ встрѣтила молодого жениха.

Въ Дармштадтъ былъ вызванъ нашъ Висбаденскій протоіерей Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ, которому предполагалось поручить занятія съ принцессою Дагмарою. Самъ Наслѣдникъ Цесаревичъ велъ съ отцомъ Янышевымъ продолжительныя бесѣды по поводу этого важнаго порученія. Цесаревичъ неоднократно высказывалъ намѣреніе свое принять на Себя преподаваніе принцессѣ Дагмарѣ Русской исторіи и Русской словесности, и заранѣе радовался этимъ занятіямъ. Результатомъ совѣщанія съ о. протоіереемъ Янышевымъ было то, что онъ назначенъ былъ законоучителемъ невѣсты Наслѣдника и для этого отправился въ Копенгагенъ.

Наслѣдникъ, проѣхавъ черезъ Штутгардтъ, Нюренбергъ, Мюнхенъ, Тироль, Венецію, Туринъ, Геную, завернулъ на нѣсколько дней въ Ниццу (въ концѣ октября), куда прибыла на зиму Императрица. Оттуда уже на Русскомъ военномъ кораблѣ мы,—пишетъ Чичеринъ,—переправились въ Ливорно и въ тотъ же день прибыли во Флоренцію. Здѣсь съ Великимъ Княземъ сдѣлался жестокій припадокъ: вдругъ появилась такая сильная боль въ поясницѣ, что Онъ долженъ былъ слечь въ постель. Всѣ переполошились; созвали консиліумъ. Одинъ итальянскій докторъ сказалъ, что у больного нарывъ въ спинной кости. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ единственный вѣрный діагнозъ. Скоро, однако, Наслѣднику сдѣлалось лучше, но двигался Онъ все-таки съ трудомъ и ходилъ сгорбленный. При такихъ условіяхъ везти Его въ Римъ было безполезно. Доктора совѣтовали уѣхать изъ Флоренціи. Рѣшили возвратиться въ Ниццу, къ Императрицѣ, которая очень безпокоилась о Сынѣ. 20 декабря 1864 г. Наслѣдникъ выѣхалъ

изъ Флоренціи и въ Ливорно сѣлъ на «Витязя», который быстро перевезъ Его въ Ниццу. Одно время казалось, что Великому Князю стало лучше; Онъ Самъ нѣсколько повеселѣлъ. По вечерамъ у Него обыкновенно сидѣли нѣкоторые изъ насъ, и Онъ откровенно бесѣдовалъ о Себѣ и о братьяхъ. Мнѣ врѣзалось въ память одно его изреченіе: «У Насъ всѣхъ нѣсколько лисья натура; у одного брата Александра хрустальная душа». Это былъ любимый Его братъ, съ которымъ Онъ въ дѣтствѣ былъ неразлученъ. Въ концѣ марта Великому Князю стало хуже...»

Кн. В. Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ описывалъ встрѣчу съ покойнымъ Цесаревичемъ въ Голландіи и въ Дармштадтѣ [1]):

«Въ Схевенингенѣ я нашелъ Цесаревича похудѣвшимъ, блѣднымъ, и отъ Него слышалъ, что Онъ чувствуетъ Себя вообще нехорошо и часто хандритъ».

«Давно ли я выѣхалъ,—говорилъ Цесаревичъ,—а ужъ тянетъ домой, тоска по родинѣ, безъ Саши (Вел. Князь Александръ Александровичъ) какъ-то скучно».

«Я,— пишетъ кн. Мещерскій,— къ концу осени пріѣхалъ въ Дармштадтъ, гдѣ находилась вся Царская Фамилія и куда прибылъ изъ Даніи, уже послѣ помолвки, Цесаревичъ.

«... Цесаревичъ мнѣ передавалъ Свои новыя и прелестныя ощущенія жениха, очертилъ Свое пребываніе въ Даніи.

«Теперь Я буду у берега,—говорилъ Онъ.—Богъ дастъ, отдохну и укрѣплюсь зимою въ Италіи, затѣмъ свадьба, а потомъ новая жизнь, семейный очагъ, служба и работа... Пора. Жизнь бродяги Мнѣ надоѣла... Въ Схевенингенѣ все черныя мысли лѣзли въ голову. Въ Даніи онѣ ушли и смѣнились розовыми. Не ошибусь, если скажу, что Моя невѣста ихъ Мнѣ дала и съ тѣхъ поръ Я живу мечтами будущаго... Я утѣшаю Себя тѣмъ, что у Насъ вся будущность впереди. Здѣсь, въ Европѣ, лѣто, а у насъ, въ Россіи, весна, съ ея неурядицами, но зато и съ ея

---

[1]) Кн. В. Мещерскій «Мои воспоминанія» 1850—1865 гг.

Автографъ Цесаревича
Николая Александровича.

Флоренция
22 Ноября
4 Декабря
1864

Воскресенье.

Любезный Николай Павловичъ

Такъ какъ я съ дѣтства держусь правила: лучше поздо, чѣмъ никогда, то позвольте мнѣ поблагодарить Васъ отъ души за поздравительное письмо Ваше. Радостно отзывались во мнѣ искреннія привѣты съ родины, я вѣрю, что они приносятъ счастье.

Хорошія я пережилъ минуты и искренно благодарю Бога,

что нашелъ то, чего такъ желалъ, о чемъ такъ долго мечталъ: любить и быть любимымъ. Лишь бы по плечу пришлось счастье!

Давно не имѣю извѣстій изъ родного гнѣзда и рѣшительно не знаю, что у Васъ дѣлается. Хоть бы Вы заставили братьевъ писать мнѣ изрѣдка. Я и не надѣюсь на Владиміра и Алексѣя, но больно, что Саша мнѣ не пишетъ. Очень люблю ему писать и писалъ ему довольно въ послѣднее время, но онъ молчитъ и отбиваетъ этимъ охоту къ перепискѣ. Неужели это лѣнь? Пожалуйста скажите ему это; онъ вѣдь знаетъ теперь куда посылать письма.

Про мое путешествіе не много
могу разсказать любопытнаго.
Мы попали въ Италію въ самое
неблагопріятное время года;
въ Венеціи застали дожди и
холодъ и должны были отказаться
отъ поѣздки на озера, одно изъ
лучшихъ мѣстъ всей Италіи.
Миланъ и Туринъ осмотрѣли
мы только слегка, Геную видѣлъ
я лишь вскользь. Въ Парму и
Болонью мы совсѣмъ не попали,
благодаря порчѣ желѣзныхъ дорогъ.
Наконецъ я пріѣхалъ во Флоренцію
какъ нарочно, чтобы снова схватить
сильный lumbago, который меня
держитъ взаперти болѣе недѣли.
Несносно, до сихъ поръ почти ничего

и не видѣлъ здѣсь. Но что всего досаднѣе это то, что мы не можемъ ѣхать въ Римъ, куда меня, да и всѣхъ насъ, давно тянуло. Стоитъ ѣхать въ Италію и не видѣть Рима.

И такъ вы не удивитесь если я скажу Вамъ, что скучаю и съ охотою вернулся бы въ Россію на зиму. Хочется домой и это чувство я думаю весьма понятно. Можно такъ долго оставаться за границею мнѣ прямо непріятно. Тянетъ на родину.

Но дастъ Богъ вернусь къ Вамъ и не одинъ, а съ будущею женою, которую прошу любить и жаловать.

До свиданья дорогой Николай Павловичъ, крѣпко жму Вамъ руку. Кланяюсь Г. Т., А. И., Ив. Вас. и Ал. Ив. — не забывайте

любящаго Васъ

Николай

надеждами, съ ея первыми отпрысками пробуждающейся жизни. Вся работа впереди... Мнѣ кажется, что и люди есть, но только ихъ не ищутъ. Сколько людей и дѣльныхъ и интересныхъ Намъ пришлось видѣть въ прошломъ году во время Нашего путешествія по Россіи. Я, напримѣръ, думаю, что если земскія учрежденія у насъ пойдутъ съ толкомъ, то получится отличная школа для выработки людей...»

Это была, увы, послѣдняя съ Нимъ бесѣда. На другой день Онъ долженъ былъ уѣхать на Югъ, такъ какъ рѣшено было, что зиму Онъ проведетъ или въ Италіи или на югѣ Франціи.

Отправляясь на югъ Италіи, Цесаревичъ былъ полонъ надеждъ на скорое возвращеніе на родину. Вотъ что Онъ пишетъ изъ Флоренціи Н. П. Литвинову[1]):

Флоренція.

22 ноября (4 декабря) 1864 г.

Воскресенье.

«Любезный Николай Павловичъ!

Такъ какъ Я съ дѣтства держусь правила—лучше поздно, чѣмъ никогда, то позвольте Мнѣ поблагодарить Васъ отъ души за поздравительное письмо Ваше. Радостно отзывались во мнѣ искренніе привѣты съ родины, Я вѣрю, что они приносятъ счастье.

Хорошія Я пережилъ минуты и искренно благодарю Бога, что нашелъ то, чего такъ желалъ, о чемъ такъ долго мечталъ: любить и быть любиму. Лишь бы по плечу пришлось счастье!

Давно Я не имѣю извѣстій изъ родного гнѣзда и рѣшительно не знаю, что у Васъ дѣлается. Хоть бы Вы заставили братьевъ писать Мнѣ изрѣдка. Я и не надѣюсь на Владиміра и Алексѣя, но больно, что Саша мнѣ не пишетъ. Очень люблю ему писать и писалъ ему довольно въ послѣднее время, но онъ молчитъ и отбиваетъ этимъ охоту къ перепискѣ. Неужели это—лѣнь? Пожалуйста, скажите ему это; онъ вѣдь знаетъ теперь куда посылать письма.

[1]) Генералъ Н. П. Литвиновъ воспитатель Великихъ Князей Александра Александровича и Владиміра Александровича.

Про Мое путешествіе немного могу разсказать любопытнаго. Мы попали въ Италію въ самое неблагопріятное время года; въ Венеціи застали дожди и холодъ и должны были отказаться отъ поѣздки на озера, одно изъ лучшихъ мѣстъ всей Италіи. Миланъ и Туринъ осмотрѣли Мы только слегка. Геную видѣлъ Я лишь вскользь. Въ Парму и Болонью Мы совсѣмъ не попали, благодаря порчѣ желѣзныхъ дорогъ. Наконецъ Я пріѣхалъ во Флоренцію, какъ нарочно, чтобы схватить сильный «lumbago», который Меня держитъ взаперти болѣе недѣли. Несносно, до сихъ поръ почти ничего Я не видѣлъ здѣсь. Но, что всего досаднѣе, это то, что Мы не можемъ ѣхать въ Римъ, куда Меня, да и всѣхъ насъ давно тянуло. Стоитъ ѣхать въ Италію и не видѣть Рима.

Итакъ, Вы не удивитесь, если Я скажу Вамъ, что скучаю и съ охотой вернулся бы въ Россію на зиму. Хочется домой, и это чувство, Я думаю, весьма понятно. Мысль такъ долго оставаться за границей Мнѣ просто непріятна. Тянетъ на родину. Но, дастъ Богъ, вернусь къ Вамъ, и не одинъ, а съ будущей женою, которую прошу любить и жаловать.

До свиданія, любезный Николай Павловичъ, крѣпко жму Вамъ руку.

Кланяюсь Г. Т., К. Н., Ив. Вас. и Ал. Ив.[1])

Не забывайте любящаго Васъ. *«Николай».*

Но этому не суждено было исполниться. Въ дневникѣ Н. П. Литвинова отъ 5-го апрѣля 1865 г. находимъ слѣдующія записи [2]):

«Великій Князь Владиміръ Александровичъ обѣдалъ сегодня съ Государемъ у Великой Княгини Елены Павловны. Я поѣхалъ за Нимъ въ 6½ часовъ, и уже засталъ Его на подъѣздѣ въ ожиданіи меня. Меня ужъ удивило то, что Онъ такъ рано былъ готовъ, тогда какъ у Елены Павловны засиживались обыкновенно довольно долго; но мое удивленіе обратилось въ испугъ, когда я увидѣлъ, что на Владимірѣ Але-

---

[1]) Георгій Тимофеевичъ Бокъ, Константинъ Николаевичъ Посьетъ, Иванъ Васильевичъ Рождественскій, Александръ Ивановичъ Чивилевъ.

[2]) Отрывки изъ дневниковъ генерала Литвинова были напечатаны въ «Истор. Вѣстникѣ» за 1907 г.— Нѣкоторыя подробности заимствованы изъ письма Литвинова изъ Ниццы къ своему отцу.

Автографъ Цесаревича Николая Александровича.

Любезный Николай Павловичъ

Императрица поручила мнѣ узнать у Васъ позволитъ ли Вор. Алексѣевичъ Владимиру ѣхать сегодня въ театръ. Императрица собирается слушать Давыдова и желала бы взять Владимира.

Жду отвѣта.

Преданный Вамъ

Николай.

ксандровичѣ, какъ говорится, лица не было. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Какую телеграмму мы только что получили: «Никсъ» (Николай Александровичъ) опасно заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, и неизвѣстно, приведетъ ли еще Богъ застать Его въ живыхъ. Завтра въ 11 час. утра мы ѣдемъ въ Ниццу».

Это меня какъ громомъ поразило; многіе и уже давно безпокоились за состояніе Его здоровья, но мнѣ никогда и въ голову не приходило, что эта болѣзнь можетъ кончиться такъ ужасно... Владиміръ Александровичъ былъ сильно потрясенъ, онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ надъ молитвенникомъ и заливался слезами.

6-го апрѣля, утромъ, было молебствіе о здравіи милаго нашего Николая Александровича, много слезъ было пролито присутствующими. Часа въ два Государь ѣздилъ съ Владиміромъ Александровичемъ въ Казанскій соборъ приложиться къ иконамъ. (Александръ Александровичъ уѣхалъ въ Ниццу 4 апрѣля съ графомъ Б. А. Перовскимъ.) Весь остатокъ дня проведенъ былъ въ укладываніи вещей и приготовленіяхъ къ отъѣзду. Въ 11 час. вечера поѣздъ двинулся. Мы летѣли съ ужасной быстротой, и въ три дня и четыре ночи достигли цѣли путешествія.

Въ Берлинѣ насъ встрѣтилъ король. Во время дороги получали безпрерывно депеши съ извѣстіемъ о состояніи здоровья Наслѣдника Цесаревича; такъ какъ человѣкъ хватается въ опасности за соломинку, то нѣкоторыя изъ нихъ казались намъ утѣшительными. Въ особенности докторъ Каррель много придавалъ намъ надеждъ своими толкованіями докторскихъ донесеній.

Въ Парижѣ встрѣтилъ насъ Наполеонъ. Съ нашимъ Государемъ обмѣнялись визитами — Государь вышелъ къ нему на дебаркадеръ, а потомъ Наполеонъ вошелъ въ вагонъ. 10 апрѣля, въ субботу, мы прибыли въ Ниццу къ 5 часамъ. Множество русскихъ встрѣтило Государя. Всѣ были съ заплаканными глазами, или очень печальными лицами, что составляло поразительный контрастъ съ блестящими нарядами тѣхъ же плачущихъ дамъ и шитыми мундирами печальныхъ мужчинъ.

Первымъ Государя встрѣтилъ Александръ Александровичъ. Я испугался при видѣ его: въ нѣсколько дней онъ исхудалъ и поблѣднѣлъ ужасно; бѣдный молодой человѣкъ не отходилъ отъ постели брата, котораго онъ любилъ всею силою своей милой души.

На дебаркадерѣ была такая тишина, какъ-будто рядомъ лежалъ трудно-больной. Ясно, что никто уже не могъ вѣрить въ возможность выздоровленія бѣднаго Наслѣдника. Я забылъ прибавить, что по дорогѣ, а именно въ Дижонѣ, къ намъ присоединилась королева Датская съ принцессой Дагмарой. «Что это за милѣйшее созданіе; она сразу внушаетъ такъ много симпатій, что Государь, не ожидая никакихъ рекомендацій, тутъ же на дебаркадерѣ заключилъ ее въ свои объятія, а она прильнула къ Нему такъ горячо, какъ-будто отъ рожденія была съ Нимъ знакома».

Бѣдный Александръ Александровичъ, пріѣхавшій въ Ниццу третьяго дня, еще не видѣлъ своего брата; Онъ цѣлый день сидитъ въ сосѣдней комнатѣ, слышитъ Его голосъ, видитъ Его кровать и ноги, а въ комнату Его не пускаютъ. Императрица все время не отходила отъ Николая Александровича.

Когда Государь пріѣхалъ, то Она, желая приготовить Николая Александровича, сказала ему, что Государя ожидаютъ съ часу на часъ; бѣдный Наслѣдникъ съ какой-то особенною чуткостью, необыкновенно развившейся въ послѣдніе дни болѣзни, сразу отгадалъ въ чемъ дѣло и объявилъ, что «папа здѣсь, въ другой комнатѣ,—пусть Онъ войдетъ». Тутъ же вошелъ и Александръ Александровичъ. Наслѣдникъ очень обрадовался, всѣхъ узналъ и всѣхъ перецѣловалъ.

Онъ часто впадалъ въ забытье, но большею частью былъ въ памяти. Къ тому же, какъ я сказалъ, у Него развилась замѣчательная чуткость, нѣчто въ родѣ двойного зрѣнія; такъ, напримѣръ, не поворачивая головы въ сторону вошедшаго, Онъ сейчасъ узнавалъ, кто входитъ. Еще замѣчателенъ у Него былъ бредъ. Разъ Ему показалось, что Ему представляется депутація и Онъ произнесъ, обращаясь къ ней, такую рѣчь, что хоть сейчасъ въ печать. Докторъ Рехбергъ, сидѣвшій подлѣ, очень

жалѣлъ, что не успѣлъ ее записать. Другой разъ Онъ вдругъ обращается къ тѣмъ, которые были въ Его комнатѣ, и спрашиваетъ громкимъ голосомъ, какъ нравятся имъ Черногорцы? Потомъ прибавилъ, что это прекрасный народъ, что они стоятъ того, чтобы на нихъ обратили вниманіе. По мѣрѣ того, какъ Онъ слабѣлъ, бредъ Его становился менѣе связнымъ и уже, вмѣсто длинныхъ фразъ, Онъ произносилъ отрывистыя командныя слова, воображая Себя передъ строемъ. Такъ, Онъ произнесъ довольно громко, но отрывисто: «впередъ, — за мною, — честь». Послѣднее Его слово было морское, Онъ скомандовалъ: «навались». Но, какъ я уже сказалъ, Онъ гораздо болѣе былъ въ памяти, и въ эти свѣтлыя минуты то, что Онъ говорилъ, было поистинѣ трогательно и непремѣнно утѣшительно хорошимъ родителямъ-христіанамъ, таковымъ, какъ нашъ Государь и Императрица.

Говорятъ, что еще въ первый день болѣзни, въ понедѣльникъ, когда мы еще были въ Петербургѣ и когда Императрица предложила Цесаревичу пріобщиться Св. Тайнъ, то Онъ на исповѣди сказалъ, что чувствуетъ за собой одинъ важный грѣхъ — недостатокъ терпѣнія. Бѣдняжка такъ много страдалъ физически и нравственно, что нужно удивляться, какъ Онъ мало стѣснялъ окружающихъ видомъ Своихъ страданій.

Когда къ больному жениху подошла принцесса Дагмара, то лицо Николая Александровича просіяло радостью. Онъ громко разсмѣялся отъ удовольствія, поцѣловалъ у нея руку и, обращаясь къ Государю, сказалъ: «Не правда ли, какъ она мила, папа?»

Здекауэръ и Пироговъ подавали еще надежды и говорили, что стоитъ Ему хорошенько заснуть и можно будетъ надѣяться на выздоровленіе. У кровати больного назначено было сидѣть по очереди одному изъ докторовъ и по одному изъ свиты Наслѣдника; въ число этихъ послѣднихъ вошли Великіе Князья Александръ Александровичъ и Николай Максимиліановичъ, которые показали себя въ эти дни, какъ нѣжные братья и самые искренніе друзья.

Въ субботу вечеромъ, въ 11-мъ часу, въ день рожденія Владиміра Александровича, мы разошлись по своимъ комнатамъ, унося съ собою слабый лучъ надежды, которому суждено было недолго ласкать насъ. Въ $5^1/_2$ ч. утра, 11 апрѣля, на нашей виллѣ Verdier послышались тревожные шаги оторопѣвшихъ людей, и насъ разбудили страшными словами, что Николай Александровичъ кончается. Графъ Перовскій побѣжалъ немытый и небритый, еле накинувъ на себя платье. Я тоже скоро послѣ него прибѣжалъ на виллу Пеліонъ. Въ ночь Николаю Александровичу сдѣлалось гораздо хуже и перемѣна была такая быстрая, что всѣ ожидали близкой кончины. Въ 7 часовъ послали за принцессой Дагмарой. Наслѣдникъ всѣхъ еще узналъ и со всѣми поздоровался. Въ 12-мъ часу Ему предложили пріобщиться Св. Тайнъ, что Онъ исполнилъ съ полнымъ сознаніемъ. Отецъ протоіерей Прилежаевъ разсказываетъ, что когда онъ положилъ Ему на голову эпитрахиль, Цесаревичъ прижалъ ее къ своей груди съ такой силой, что съ большимъ трудомъ можно было ее освободить, что во время молитвы: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую...», Онъ безпрестанно дѣлалъ знаменіе креста, и послѣ причастія, полный вѣры и любви, припалъ губами къ чашѣ.

По окончаніи священнаго обряда, Онъ началъ со всѣми прощаться, каждаго присутствующаго называлъ по имени и говорилъ по два раза: «прощай, прощай». Когда Онъ со всѣми простился, подлѣ Него остались только свои; въ головахъ съ правой стороны стоялъ Александръ Александровичъ, а съ лѣвой принцесса Дагмара; Наслѣдникъ все время держалъ ихъ за руки. Принцесса часто становилась на колѣни и впивалась въ лѣвую руку умирающаго жениха. Государь и Императрица стояли по обѣ стороны больного въ ногахъ; такимъ образомъ, Отецъ и Мать какъ-будто уступали первенство подлѣ больного Его другу и Его невѣстѣ. Цесаревичъ все еще былъ въ полной памяти и говорилъ ясно. Такъ, послѣ минутнаго забытья, Онъ открылъ широко глаза, взялъ за руку Александра Александровича и, обращаясь къ Государю, сказалъ: «Папа, береги Сашу; это такое золотое сердце и такая чудная душа». Въ забытьи Онъ часто поминалъ Его имя. Вообще Онъ очень любилъ

Александра Александровича; послѣднее Его слово было обращено опять-таки къ Нему; Онъ сталъ безпокойно искать Его, поднялъ правую свою руку и, поймавъ Александра Александровича за голову, сказалъ довольно твердымъ голосомъ: «Здравствуй, Саша»! и затѣмъ ужъ Онъ больше ничего не говорилъ понятнаго [1]).

Часу въ третьемъ Онъ поднялъ руки и правой рукой поймалъ голову Александра Александровича, а лѣвой искалъ какъ-будто голову принцессы Дагмары. Тутъ языкъ у Него сталъ значительно слабѣть и скоро Онъ произнесъ послѣднюю фразу, сказанную съ полнымъ сознаніемъ, а именно, взявъ за руку Императрицу и, указывая на нее Гартману, сказалъ: «Soignez... la... bien».

Послѣ этого Онъ ничего больше не говорилъ связнаго; это было въ 4 часа, и съ этого времени до самой кончины только бормоталъ что-то въ носъ, или произносилъ: «бра, бра, бра». Въ этотъ день Великіе Князья почти ничего не ѣли съ утра; въ шесть часовъ Они пришли къ столу, приготовленному подлѣ виллы Пеліонъ для кавалеровъ, и, проглотивъ немного пищи, снова побѣжали къ больному брату. За исключеніемъ этого Александръ Александровичъ не отходилъ отъ постели. Цѣлый вечеръ сидѣли мы въ томительномъ ожиданіи въ комнатахъ, смежныхъ со спальней Наслѣдника. Доктора безпрестанно собирались въ консиліумъ, толкуя о томъ, сколько осталось жить больному и какого рода болѣзнью Онъ боленъ. Докторъ Опольцеръ, пріѣхавшій изъ Вѣны сегодня утромъ, прежде нежели быть допущеннымъ къ Наслѣднику, приглашенъ былъ на совѣщаніе докторовъ. Говорятъ, что первое его слово было: «Господа, разумѣется, намъ прежде всего нужно быть согласными во мнѣніяхъ».

Затѣмъ, увидѣвъ больного, онъ объявилъ, что мнѣніе Здекауэра было справедливо и что у Николая Александровича дѣйствительно meningitis cerebro-spinalis, но къ этому прибавилъ еще—tuberculosa.

---

[1]) Изъ ненапечатаннаго письма Литвинова.

Онъ сказалъ, что это такая болѣзнь, которой симптомы обнаруживаются всегда поздно и когда уже нѣтъ спасенія больному.

Николаю Александровичу безпрестанно давали мускусъ по настоянію Пирогова, который, со свойственной ему энергіей, утверждалъ, что доктора не должны терять надежды до тѣхъ поръ, пока въ больномъ не перестанетъ биться сердце. Однако мускусъ только мучилъ больного. Въ 4 часа у него началась икота, и Его безпрестанно рвало мускусомъ. Бѣдная принцесса Дагмара, стоя на колѣняхъ передъ умирающимъ женихомъ, все время вытирала Ему ротъ и подбородокъ.

Наслѣдникъ часъ отъ часу былъ слабѣе и слабѣе; разумѣется, всякая надежда пропала даже у самыхъ упорныхъ. Всѣ разошлись по маленькимъ комнаткамъ виллы и расположились группами. У всѣхъ, конечно, былъ одинъ и тотъ же нескончаемый разговоръ о Наслѣдникѣ и Его болѣзни. Крайнее напряженіе силъ съ 5 ч. утра такъ утомило всѣхъ, что нѣтъ ничего естественнѣе, что всѣхъ клонило ко сну; дѣйствительно часу въ первомъ ночи всѣ, которые были со мною въ комнатѣ, въ томъ числѣ и я, задремали, каждый въ томъ положеніи, какъ разговаривали. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется и графъ Строгановъ съ палкою въ рукахъ выходитъ изъ комнаты Наслѣдника и произноситъ «все кончено», и затѣмъ быстро скрывается. Мы всѣ вскочили и перекрестились; я посмотрѣлъ на часы—было безъ 10 минутъ часъ ночи, слѣдовательно, 12 числа апрѣля или 24 по новому стилю. Всѣ бывшіе въ виллѣ, безъ всякаго разрѣшенія, хлынули въ комнату, гдѣ лежалъ Наслѣдникъ; оттуда неслись раздирающіе душу стоны и рыданія. Громче всѣхъ плакалъ Владиміръ Александровичъ, меньше всѣхъ Императрица; она была очень тверда. Дагмара впилась въ Наслѣдника и рыдала безъ слезъ; Государь на рукахъ отнесъ ее въ другую комнату. На бѣднаго Александра Александровича было жалко смотрѣть, онъ болѣе всѣхъ возбуждалъ состраданіе. «Когда Царская Фамилія удалилась, допустили и насъ къ покойнику,—пишетъ Литвиновъ отцу.—Тутъ со мною имѣла мѣсто странная случайность, которую прошу передать къ свѣдѣнію А. Н. Г—вой. Разъ какъ-то у Измайловыхъ мы играли въ лото

и А. Н. дала мнѣ сдачи 5 коп. мѣдною монетой; я помѣтилъ этотъ пятакъ тремя черточками, обѣщая ей, шутя, хранить этотъ пятакъ въ своемъ кошелькѣ. Не думалъ я тогда, что дѣйствительно этому пятаку суждено никогда со мной не разставаться. Когда стали убирать тѣло покойнаго Наслѣдника вдругъ понадобилась монета на глаза; я тотчасъ же отдалъ свой пятакъ, который въ эту минуту очень пригодился. Потомъ мой пятакъ замѣненъ былъ двумя серебряными 2-франковыми монетами, которыя теперь хранятся у Императрицы, какъ святыня!»

Монета, бывшая на глазахъ покойнаго Наслѣдника, хранится въ семьѣ Литвинова.

Черезъ часъ стали омывать тѣло; Александръ Александровичъ все время при этомъ присутствовалъ и самъ надѣвалъ чистое бѣлье на покойника.

Съ Тобою смерть насъ породнила,
И предъ страдальческимъ одромъ,
Вся Русь Тебя усыновила
Въ благоговѣніи нѣмомъ.

* * *

Ты сердцу русскому открылась
Любвеобильною душой,
Когда, рыдая, Ты стремилась,
Туда, къ нему, въ часъ роковой!

* * *

Ты наша. Будь благословенна!
Тебя Россія поняла,
Тебя, колѣнопреклоненна,
Въ молитвахъ Русской нарекла.

* * *

Заря, Ты солнце предвѣщала,
Восходъ лучами былъ богатъ...
Зарей вечерней осіяла
Ты преждевременный закатъ!

* * *

И просіялъ Онъ, умирая,
Когда предстала Ты предъ нимъ:
Такъ душу предъ вратами рая
Встрѣчаетъ свѣтлый херувимъ.

К. Н. М.—(1).

---

1) Стихотвореніе найдено въ дневникахъ Н. П. Литвинова.

Анна Ѳеодоровна Тютчева, воспитательница Великой Княжны Маріи Александровны (нынѣ Герцогини Кобургъ-Готской) была близкимъ свидѣтелемъ этого горестнаго событія; въ своихъ письмахъ изъ Ниццы къ сестрѣ она пишетъ[1]):

«6-е апрѣля».

«Съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ писала, рвота и головная боль при полной безсонницѣ все продолжались. Ночью состояніе нервовъ доходило до невозможнаго возбужденія. Съ пятницы на субботу ночь была такъ плоха, что Гартманъ сказалъ Императрицѣ по секрету (такъ какъ оффиціально говорили и упорно повторяли, что Великому Князю лучше и что не было никакой опасности), что если подобная ночь повторится, у Великаго Князя сдѣлается нервный ударъ. Императрица мнѣ объ этомъ говорила. Не могу тебѣ описать тоски въ субботу, въ эту Пасхальную ночь. Въ первый разъ въ жизни я не чувствовала радости праздника, даже не могла слѣдить за молитвами во время богослуженія. А между тѣмъ для всѣхъ Великій Князь вовсе не былъ въ опасности, такъ какъ Строгановъ людямъ приказывалъ это говорить. Пасхальная ночь прошла спокойно. Въ воскресенье у Гартмана было лицо совсѣмъ успокоенное. Онъ говорилъ: «Еще одна ночь, какъ эта, и мы побѣдимъ болѣзнь». Наслѣдникъ спалъ почти все воскресенье, а когда просыпался, говорилъ: «Какъ сладко спать такъ!» Императрица сіяла отъ радости. Утромъ въ понедѣльникъ пришли мнѣ сказать, что Онъ спалъ хорошо. Я спустилась къ Императрицѣ, имѣвшей видъ еще болѣе успокоенный, чѣмъ наканунѣ. Черезъ полчаса заходитъ слуга и говоритъ мнѣ: «Наслѣднику очень худо».

Я спускаюсь, нахожу Гартмана блѣднаго, какъ полотно, въ дежурной пишущимъ телеграмму Государю. Спрашиваю его: «Что случилось?» Онъ отвѣчаетъ: «Началось изліяніе въ мозгъ; все кончено»,—сказалъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1905 г., № 6.

онъ, пожимая плечами. «Въ такомъ случаѣ нужно Его пріобщить». «Онъ уже безъ сознанія».

Въ эту минуту вошла Императрица. Гартманъ ей уже сказалъ, что дѣло плохо. Раньше, чѣмъ приняться составлять телеграмму Государю, Она спросила: «Что написать Государю?» «Ваше Величество,—сказалъ Гартманъ,—«это изліяніе въ мозгъ». Императрица вскрикнула, сказавъ: «Значитъ, Вы меня обманывали, Вы мнѣ не все говорили?»

«Ваше Величество, я не могъ сказать Вамъ все вдругъ». Она схватилась за сердце, а потомъ сказала: «Нужно теперь быть спокойной, я должна думать только о Государѣ». И Она вернулась, чтобы написать телеграмму. Я пошла за маленькой Великой Княжной, чтобы итти въ церковь заказать молебенъ, послѣ чего я повезла священника въ виллу Бермонъ. Строгановъ вышелъ въ ярости на меня и сказалъ мнѣ: «Чего Вы вмѣшиваетесь? У Великаго Князя маленькій нервный припадокъ, который пройдетъ, и дѣло совсѣмъ не въ этомъ». Тогда я высказала ему, что всѣ мы думали о способѣ, какимъ онъ всѣхъ держалъ въ заблужденіи относительно положенія Великаго Князя, а что теперь уже больше нечего скрывать. Между тѣмъ Императрица пожелала, чтобы священникъ сначала отслужилъ положенную въ Пасхальный понедѣльникъ обѣдню, а затѣмъ бы вернулся. Мы пошли къ обѣднѣ. Великій Князь, впрочемъ, былъ въ полномъ сознаніи. Говорятъ, что въ 7 ч. утра, когда Онъ оставался одинъ, съ Нимъ сдѣлался нервный припадокъ. Прибывшій въ 8 ч. докторъ нашелъ у Него зрачки страшно расширенными, лѣвую руку парализованною и сознаніе потерянным. Онъ побѣжалъ къ Императрицѣ. Позднѣе Великій Князь пришелъ въ себя и только былъ удивленъ немного онѣмѣнію своей руки, но не чувствовалъ никакой боли и хотѣлъ встать съ постели. Послѣ обѣдни былъ по этому поводу большой споръ.

Строгановъ и N. ни за что не хотѣли, чтобы Великаго Князя пріобщили, изъ боязни Его испугать, а братья Императрицы, Герцогъ Дармштадтскій и принцъ Александръ, два нѣмца, протестанты, съ тоскою настаивали на томъ, чтобы Его пріобщили.

Въ это время мы попросили священника отслужить молебенъ Московскимъ Святителямъ о дарованіи этого причастія, котораго мы ожидали съ такимъ томленіемъ.

Послѣ причастія приступили къ лѣченію: положили къ головѣ мушку, дали Ему каломели, которая будто бы должна оттянуть воду отъ мозга. Остальной день прошелъ спокойно. Онъ много спалъ, но по пробужденіи голосъ Его былъ все-таки ясный и бодрый; мысли, временами немного смутныя, быстро принимали свою ясность, слухъ ослабѣлъ, а лѣвая рука онѣмѣла, что Его удивляло и смѣшило. Онъ безпрестанно просилъ разрѣшенія встать и не понималъ почему Его держали въ постели, когда онъ больше не страдалъ совершенно и чувствовалъ себя лучше, чѣмъ во всѣ предыдущіе дни».

«12 апрѣля».

«Наслѣдникъ скончался сегодня въ 1 ч. ночи, и я чувствую себя до того пораженною, какъ-будто бы мы и не проводили цѣлой недѣли въ тоскѣ, постоянно колеблясь между надеждой и отчаяніемъ, снова надѣясь при малѣйшемъ утѣшительномъ признакѣ. Въ среду утромъ доктора произнесли смертный приговоръ; въ среду же вечеромъ наступило настолько явное улучшеніе, что они объявили Его спасеннымъ, и у нихъ хватило жестокости сказать это Матери. Ночь на четвергъ прошла ужасно тревожно, а къ утру было новое изліяніе въ мозгъ. Весь четвергъ Онъ бредилъ, хотя узналъ подходившихъ къ Его постели, особенно Мать, которую, наконецъ, убѣдили остаться при немъ. Въ пятницу къ утру Онъ задремалъ и спалъ весь день, самъ прося оставить Его совершенно одного, такъ какъ Ему хотѣлось спать. Доктора снова начали надѣяться. Въ субботу пріѣхалъ Государь съ сыновьями Владиміромъ и Алексѣемъ (Александръ пріѣхалъ еще въ четвергъ) и съ несчастной маленькой невѣстой, съ которой Они встрѣтились въ Дижонѣ. Она имѣетъ видъ пятнадцатилѣтняго ребенка, очень юное и нѣжное созданіе, съ прелестнымъ маленькимъ личикомъ, очарованіе котораго составляютъ прелестные большіе черные глаза, говорящіе душѣ.

Суббота прошла очень безпокойно, мысли путались все больше и больше; съ вечера пятницы Онъ уже не спалъ. Онъ увидѣлъ Отца и узналъ Его, но смутно, не сдѣлавъ замѣчанія по поводу Его пріѣзда, какъ человѣкъ, воспринимающій еще впечатлѣнія, но не имѣющій уже понятій. Къ вечеру Онъ успокоился. Императрица пошла спать, приказавъ себя разбудить въ 4 часа, такъ какъ Гартманъ предполагалъ, что въ этотъ именно часъ могло быть плохо. Въ самомъ дѣлѣ, только что Она подошла къ нему, какъ больному вдругъ вернулось полное сознаніе. Онъ началъ цѣловать Ей руки, цѣлуя отдѣльно каждый палецъ, какъ дѣлалъ это всегда, и сказалъ ей: «Прощай Ма; жаль Мнѣ Тебя, бѣдная Мамаша!» Гартману, подошедшему въ это время, Онъ сказалъ: «Прощайте, прощайте»,—и, указывая на Мать: «Берегите Ее хорошенько».

Позвали Государя. На этотъ разъ Онъ узналъ Его, бросился къ Нему на шею и долго держалъ Его въ своихъ объятіяхъ, потомъ Онъ поцѣловалъ Ему руки и каждый палецъ. Подошелъ къ Нему братъ Александръ. Тогда Онъ сказалъ Отцу: «Вотъ это славный человѣкъ—береги Его!» Увидѣвъ остальныхъ братьевъ, Онъ сдѣлалъ восклицаніе и знакъ удивленія ихъ росту. Тѣмъ временемъ вошла маленькая невѣста. Ему сказали объ ея приходѣ. Тотчасъ лицо Его озарилось радостью; Онъ долго обнималъ ее, покрывалъ поцѣлуями и повторялъ: «Моя милая, душка моя, ангелъ мой!» Потомъ Онъ сказалъ Отцу: «Не правда ли, какая она милая?»

Его спросили, не хочетъ ли пріобщиться, на что Онъ съ радостью согласился. Уже не могъ Онъ исповѣдаться, но пока говорили молитву, Онъ схватилъ эпитрахиль и прижалъ ее къ сердцу. Во время причастія Ему показалось, что на губахъ осталась крошка, и Онъ старался обтереть ее пеленою. Когда читали молитву послѣ причастія, бѣдное лицо умирающаго было залито слезами и свѣтилось радостью; священникъ увѣрялъ, что никогда не видѣлъ у умирающаго столь сіяющаго счастьемъ лица. Онъ долго еще держалъ въ объятіяхъ свою невѣсту. Отецъ и Мать благословили Его, а потомъ повернулись, чтобы благосло-

вить сына, слѣдующаго за Нимъ, который стоялъ тутъ же, подавленный горемъ, такъ какъ этого брата Онъ любилъ больше всего на свѣтѣ.

Послѣ причастія Наслѣдникъ сдѣлалъ всѣмъ присутствующимъ знакъ рукой и нѣсколько разъ повторилъ очень громкимъ голосомъ: «Прощайте, прощайте, прощайте!»

Мало-по-малу Его мысли начали путаться. Я услыхала, какъ Онъ еще разъ сказалъ: «Извините меня всѣ», а потомъ, «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу».

Это происходило въ 9 ч. утра, послѣ чего Онъ говорилъ все меньше и меньше, слова были все болѣе безсвязны. Два раза Онъ засыпалъ. У докторовъ оставалась еще маленькая надежда спасти Его, и я вѣрила, что Богъ сотворитъ чудо и отдастъ намъ Его по нашимъ неотступнымъ молитвамъ. Должно быть мы очень нагрѣшили передъ Богомъ если столь горячія молитвы всей Россіи не могли дойти до Него. Въ три часа насъ въ первый разъ позвали къ чтенію отходной. Молились долго, больной былъ очень возбужденъ мускусомъ, который не переставали Ему давать; доктора сказали, что такъ будетъ до вечера. Ахъ, какая агонія! Мнѣ кажется, во всю мою жизнь не изгладятся эти томительныя, ужасающія воспоминанія. Въ $7^1/_2$ ч. началась настоящая агонія: умирающій уже не видѣлъ и не слышалъ, но страшно стоналъ въ ужасной предсмертной икотѣ. Борьба смерти съ такой жизненностью и молодостью была прямо страшна. Мы всѣ были при этомъ. У изголовья больного стояла Императрица, въ Его ногахъ Государь, а по бокамъ постели Великій Князь Александръ и маленькая невѣста, держа каждый руку умирающаго. Нѣсколько разъ хотѣли увести несчастнаго ребенка, но она говорила съ удивительнымъ спокойствіемъ и твердостью: «Нѣтъ, ничто не заставитъ меня уйти; Онъ меня узнаетъ, Онъ улыбается мнѣ и ласкаетъ меня». И она съ 7½ ч. до 1 часу ночи вытирала черную пѣну, выходившую изо рта умирающаго послѣ каждой икоты. А потомъ Она цѣловала Его руки и клала свою молодую прелестную головку къ умирающему съ такимъ спокойствіемъ и скорбью! Четыре раза принимались читать отходную.

Не говорю тебѣ ничего объ Императрицѣ: я не въ состояніи говорить о Ней. Этотъ сынъ былъ Ея радостью, гордостью, всѣмъ для Нея!

Мученія длились шесть часовъ; стоны дѣлались все болѣе мучительными. Мы молили Бога послать Ему освобожденіе. Наконецъ, начался хрипъ, который длился не менѣе часа. Когда Онъ скончался, Императрица, Государь, Невѣста и всѣ братья съ криками припали къ тѣлу, и это была такая минута...»

А. Ѳ. Тютчева въ письмѣ отъ 16 апрѣля 1865 г. К. П. Побѣдоносцеву пишетъ: «Какъ мы молились, Константинъ Петровичъ! Всѣ дни мы Его оспаривали у смерти. Еще въ послѣднія минуты я все еще кричала къ Богу, чтобы Онъ отдалъ намъ Его; мнѣ такъ не хотѣлось, чтобы Онъ умеръ, Онъ намъ такъ нуженъ былъ, Его такъ любила Мать, такъ любила молодая Его невѣста. Доктора послѣ аутопсіи тѣла говорили, что страшно подумать, сколько Онъ долженъ былъ страдать. Онъ все молча, безъ жалобъ, переносилъ, и Его все обвиняли, что Онъ нѣжится, что Онъ притворяется, что Онъ могъ бы прямо стоять, если бы только хотѣлъ, между тѣмъ, какъ у Него три вершка спинной кости уже сгнили. Онъ до самаго понедѣльника принуждалъ себя встать, одѣваться, являться къ столу съ господами своей свиты. Никто не жалѣлъ Его. И въ Его послѣдней болѣзни, особенно въ ночь отъ четверга на пятницу, оставили Его одного, запретили Ему звать своихъ людей. Слышали Вы когда-нибудь, что умирающаго оставляютъ одного, а Матери запретили входить къ Нему, для того, чтобы Онъ не встревожился?.. Богъ одинъ усладилъ Ему смертный часъ, Онъ далъ Ему радость увидѣть и узнать еще и Отца, и Брата, и Невѣсту, и пріобщиться Св. Тайнъ съ великою радостью, которая сіяла на Его умирающемъ лицѣ. Когда Онъ скончался, у Него не было то лицо, которое мы знали, не Николая Александровича, лицо сдержанное и озабоченное: это было радостное, безпечное лицо спящаго ребенка; Ему казалось пятнадцать лѣтъ не больше... Посылаю Вамъ карточку Наслѣдника, снятую въ первый день вечеромъ послѣ Его кончины. Онъ весь былъ покрытъ fleurs d'orange».

12 апрѣля въ 10 ч. утра первая панихида. Цесаревичъ лежалъ еще на своей походной кровати. Трудно описать эту первую панихиду. Священникъ и діаконъ не могли отъ слезъ начать службы—это былъ общій плачъ и рыданіе. «Какъ только придворный діаконъ,— пишетъ адмиралъ Арсеньевъ (священникъ былъ мѣстный о. Прилежаевъ, а діаконъ и 6 пѣвчихъ придворныхъ находились все время пребыванія Императрицы за границей),— знавшій Цесаревича со дня Его рожденія, сталъ произносить слова: «Еще помолимся объ упокоеніи души усопшаго раба Божія...», то онъ зарыдалъ, голосъ его оборвался, и нѣсколько мгновеній не могъ продолжать».

В. К. Наслѣдникъ Николай Александровичъ въ Ниццѣ, вилла Бермонъ, 12/25 апрѣля 1865 г.
Объ этой карточкѣ упоминается въ письмѣ А. Ѳ. Тютчевой къ К. П. Побѣдоносцеву. («Рус. Арх.» 1905, № 6, стр. 302.)

14 апрѣля, въ среду, въ 7 ч. вечера, послѣ литіи тѣло Наслѣдника было перенесено въ русскую церковь. Государь съ Великими Князьями и высокопоставленными лицами вынесъ гробъ внизъ по лѣстницѣ и помѣстилъ его на колесницу. Затѣмъ Онъ послѣдовалъ пѣшкомъ. Императрица съ Великой Княжной Маріей Александровной и Великой Княгиней Маріей Николаевной и съ придворными дамами сопровождали шествіе въ каретѣ. Пѣвчіе и священники подвигались медленно во главѣ шествія, въ роскошныхъ одѣяніяхъ и вполголоса пѣли молитвы; музыка русской эскадры играла похоронный маршъ (этотъ маршъ, передѣланный Г. Коста, долгое время играли всюду въ Ниццѣ). Это шествіе въ прелестный темный вечеръ, освѣщенное свѣчами и факелами, производило глубокую и невыразимую печаль [1]).

16 апрѣля послѣ литургіи совершилось со всею торжественностью перенесеніе тѣла въ гор. Вильфраншъ на фрегатъ «Александръ Невскій». Въ письмѣ изъ Ниццы Литвиновъ пишетъ: «Сегодня, 16 число—день перенесенія тѣла въ Вилла-Франкъ на фрегатъ «Александръ Невскій». Черезъ часъ я пойду на церемонію. У меня очень мало свободнаго времени, хотя и мало нахожусь съ Великими Князьями, которые остаются все у Родителей; но за то у насъ два раза въ день службы, да кромѣ того дежурства при гробѣ. Я становлюсь при покойномъ то за флигель-адъютанта, то часовымъ штабъ-офицеромъ съ саблею наголо. Уже четыре раза я былъ наряженъ и одинъ разъ стоялъ ночью. Разумѣется, я этимъ очень доволенъ; пріятно отдать послѣдній долгъ, во-первыхъ, Наслѣднику, а, во-вторыхъ, человѣку, котораго дѣйствительно любилъ и чьимъ расположеніемъ пользовался. У меня осталось довольно много вещей на память отъ Него, и ужъ, вѣроятно, онѣ долго сохранятся у насъ. Французы, и въ особенности Наполеонъ, въ замѣчательной степени внимательны и предупредительны. Цѣлыхъ три баталіона прислалъ въ Ниццу для содержанія почетнаго караула; изъ нихъ

---

[1]) Изъ французской брошюры того времени.

баталіонъ стрѣлковъ—лучшій во Франціи, безсмѣнно стоитъ у самой квартиры Наслѣдника. Въ награду за эту службу, всѣ солдаты просили у Государя позволеніе проводить Наслѣдника до Вилла-Франка съ церемоніаломъ; при чемъ они объявили, что если имъ этого не разрѣшатъ, то они сложатъ оружіе и толпой отправятся за гробомъ, какъ частные люди. Разумѣется, что они получили разрѣшеніе, хотя Государь изъ деликатности сначала не хотѣлъ на это согласиться...

Вотъ я только что вернулся съ этой грустной и утомительной прогулки. Послѣ краткой литіи мы вышли изъ церкви въ $3^1/_2$ ч., и пѣшкомъ тихимъ шагомъ вся процессія потянулась по берегу моря въ Вилла-Франкъ, стоящей въ верстахъ семи отъ Ниццы».

«Трогательно и торжественно,—по словамъ князя Вяземскаго,—было шествіе за печальною колесницей изъ церкви черезъ весь городъ и потомъ вдоль моря до Вилла-Франка. Русское духовенство, въ полномъ и богато-блестящемъ, по случаю пасхальнаго празднества, облаченіи, стройное, величавое, умилительное пѣніе нашихъ пригробныхъ молитвъ, Царь и все Семейство Его, слѣдовавшіе верхомъ, многіе русскіе, пріѣхавшіе изъ разныхъ концовъ Европы на сей печальный обрядъ, представители разныхъ иностранныхъ дворовъ, все народонаселеніе Ниццы, частью слѣдовавшее за печальнымъ шествіемъ, частью сомкнувшееся въ живыя стѣны по улицамъ и площадямъ, облѣпившее крыши домовъ, деревья, скалы—все это представляло невыразимо-печальную, но вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо-живописную и величественную картину. Придайте къ ней богатство природы и мѣстоположеніе, которое служило прекрасною рамкою сей мрачной картинѣ».

«Въ Вилла-Франка гробъ былъ снятъ съ катафалка и поставленъ на траурный паровой катеръ, на устроенный на катерѣ бранкартъ, весь покрытый цвѣтами. Когда катеръ подошелъ къ фрегату «Александръ Невскій», на бранкартъ были заложены нокъ и сейтали, какъ для подъема баркасовъ, и по свистку бранкартъ съ гробомъ Цесаревича, какъ огромная корзина цвѣтовъ, былъ поднятъ съ катера на воздухъ и потомъ

опустился во внутренность фрегата; затѣмъ реи были раскошены, и раздался печальный салютъ» [1]).

На фрегатъ «Александръ Невскій» поставили гробъ въ особомъ отдѣленіи, на мѣстѣ, гдѣ ставится походная церковь. Государь и Императрица прощались съ покойникомъ, долго обнимали, благословляли Его. Такія минуты никогда не забываются.

«Я также прощалась съ Нимъ,—пишетъ А. Ѳ. Тютчева,—взяла изъ Его гроба вѣтку апельсиновыхъ цвѣтовъ. На немъ были образа Иверской Божіей Матери, всѣхъ Московскихъ Чудотворцевъ и Святого Сергія. Они съ нимъ и останутся. На рукѣ у Него было кольцо, которое надѣла невѣста, когда Она въ понедѣльникъ вечеромъ прощалась съ Его тѣломъ». На слѣдующее утро въ 8 часовъ печальная эскадра снялась съ якоря и со спущенными до половины флагами, съ раскошенными реями прошла мимо Ниццы, направляясь въ Россію.

Подъ 21 мая написано въ дневникѣ Литвинова: «Сѣли на пароходъ «Стрѣльна», при сквернѣйшей погодѣ пошли въ Кронштадтъ; мы проходили вдоль эскадры броненосцевъ; на Большомъ рейдѣ стояли винтовыя суда. Отрядъ, шедшій съ тѣломъ покойнаго Наслѣдника, показался вдали, и «Стрѣльна» пошла ему навстрѣчу за Большой рейдъ. Встрѣтившись съ «Александромъ Невскимъ», пересѣли на него и дошли до Малаго рейда, гдѣ онъ остановился; съ этимъ вмѣстѣ прекратились и почести, которыя отдавала покойному эскадра на рейдѣ. Отслужили панихиду и пересѣли на «Стрѣльну» для обратнаго пути въ Петербургъ и Царское Село».

25 мая. Въ $8^1/_2$ часовъ утра поѣхали на пароходѣ въ Кронштадтъ для сопровожденія тѣла покойнаго Николая Александровича. Отъ Англійской набережной печальная процессія двинулась въ Петропавловскую крѣпость.

28 мая. Къ $11^3/_4$ час. Государь приказалъ быть Великимъ Князьямъ на Его половинѣ, чтобы ѣхать на погребеніе. Церемонія кончи-

[1]) Изъ записокъ адмир. Д. С. Арсеньева.

лась въ 1 часу, и Государь съ Великими Князьями поѣхалъ въ Зимній Дворецъ. Александръ Александровичъ много плакалъ и отъ этого у него цѣлый день болѣла голова».

———

Въ дневникахъ А. В. Никитенко читаемъ какъ на родинѣ относились къ извѣстіямъ, приходящимъ изъ Ниццы о болѣзни и кончинѣ Наслѣдника.

«7 апрѣля 1865 г. Вчера получены самыя прискорбныя вѣсти о Наслѣдникѣ: Онъ умираетъ. Государь вчера собирался ѣхать къ Нему. Народъ будетъ глубоко огорченъ этой великой скорбью Отца и Царя-Освободителя».

«12. Понедѣльникъ. Услышалъ я прискорбную вѣсть о смерти Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Грустно, очень грустно. Въ публикѣ страшное негодованіе противъ гр. Строганова».

«25 апрѣля. Воскресенье. Поутру у Стасюлевича. Онъ три года былъ преподавателемъ исторіи у покойнаго Наслѣдника. Наслѣдникъ,—говоритъ онъ,—учился очень хорошо и вообще былъ прекрасный человѣкъ. Стасюлевичъ не можетъ вспоминать о Немъ безъ глубокой скорби и умиленія. Онъ показывалъ мнѣ тетради, въ которыхъ Царственный Юноша записывалъ свои уроки изъ Исторіи. Видна особая тщательность къ занятіямъ. Графа Строганова покойный Наслѣдникъ не любилъ, да и трудно любить этого холоднаго и сухого человѣка...»

«Вотъ образчикъ того, какъ въ народѣ смотрѣли на кончину Цесаревича Николая Александровича. Во время Ломоносовскаго обѣда въ залѣ Дворянскаго собранія возлѣ Стасюлевича сидѣлъ какой-то купецъ. Когда былъ провозглашенъ тостъ за Наслѣдника—тогда было извѣстно еще только что Онъ опасно боленъ,—зала огласилась восторженными криками въ честь Его и пожеланіями Ему выздоровленія. Крики не умолкали въ теченіе пяти минутъ. Стасюлевича это такъ тронуло, что у него показались слезы на глазахъ. Его сосѣдъ купецъ это замѣтилъ и спросилъ:

— Видно вы очень любили Наслѣдника?

— Да,—отвѣчалъ Стасюлевичъ,—потому что я знаю Его хорошо: я былъ Его учителемъ.

— Учителемъ?—повторилъ купецъ.—Ну хорошо, что вы были его учителемъ, а не дядькою, а то васъ стоило бы разорвать въ клочки».

«25 мая. Вторникъ. Печальный и торжественный день. Привезено тѣло Наслѣдника въ Петербургъ и препровождено въ церемоніальномъ шествіи къ мѣсту вѣчнаго упокоенія въ крѣпость. Погода соотвѣтствовала характеру событія. Небо обложилось тучами, каждую минуту угрожалъ дождь, но дождя не было и было тепло. Въ двѣнадцатомъ часу я вышелъ изъ дому. Невскій проспектъ былъ залитъ толпами народа, который спѣшилъ къ Исаакіевской площади. Процессія должна была слѣдовать отъ Николаевскаго моста мимо Исаакія по площади и набережной на Троицкій мостъ. Немного спустя раздался пушечный выстрѣлъ. На улицахъ уже не было ни души. Весь, весь Петербургъ столпился у площади, и я съ Морской поворотилъ туда же. Тутъ услужливый спекулянтъ предложилъ мнѣ мѣсто на скамейкѣ за полтинникъ. Я съ трудомъ взгромоздился на нее и очень порядочно могъ видѣть церемоніальное шествіе. Мрачная и величественная картина. Войска съ обѣихъ стороны окаймляли площадь. Сперва потянулись разные придворные чины, ордена на подушкахъ, безконечный рядъ духовенства въ черномъ облаченіи, отрядъ войскъ и потомъ колесница юноши, котораго оплакивала Россія. За нею Государь верхомъ на лошади. Народъ стоялъ безмолвно, снявъ шапки, и съ появленіемъ колесницы крестился. Не было ни малѣйшаго шума, ни толкотни, ни безпорядка. Вокругъ царствовало полное безмолвіе, нарушаемое только колокольнымъ звономъ съ церквей и зловѣщими пушечными выстрѣлами съ крѣпости. Всѣ магазины, лавки, кабаки были заперты. На всемъ Петербургѣ лежала какая-то печать унынія и скорби, и надъ нимъ, какъ черное покрывало висѣло, сумрачное небо».

«26 мая. Среда. Въ два часа отправился я поклониться праху Наслѣдника въ Петропавловскій соборъ. У воротъ крѣпости съ добрыхъ

полчаса надо было ждать, пока разъѣхались экипажи возвращавшихся съ панихиды. Народу видимо-невидимо: кажется, опять весь Петербургъ собрался сюда. И вдругъ все это повалило въ крѣпость и стѣснило у входа въ церковь до такой степени, что нечего было и думать попасть туда, по крайней мѣрѣ скоро. Впускали только по нѣсколько человѣкъ разомъ и затѣмъ запирали двери. Многіе на это ворчали, но, мнѣ кажется, это было и необходимо и благоразумно. Иначе церковь была бы вдругъ переполнена и могъ бы произойти страшный безпорядокъ. Къ выходу тоже пускали постепенно. И надо отдать справедливость полиціи: она распоряжалась и ловко и учтиво. Я встрѣтилъ тутъ Чивилева, который отчаялся попасть въ церковь и уѣхалъ домой. Я тоже было поколебался, но потомъ рѣшился подождать сколько возможно. Наконецъ, пришла и моя очередь. Большая, мрачная церковь лишь немногихъ вмѣщала въ себѣ. Посѣтители входили въ однѣ двери, по очереди, въ одиночку допускались къ гробу, поклонялись ему и направлялись къ другому выходу. По обѣимъ сторонамъ катафалка стояли дежурные камергеры и генералы. Передъ гробомъ разложены были на золотыхъ подушкахъ ордена покойнаго, атаманская булава и водружены были казацкіе бунчуки. Въ церкви господствовало мрачное величіе смерти. Тишина прерывалась только монотоннымъ унылымъ чтеніемъ Евангелія. Съ глубокою грустью и я взошелъ на ступени катафалка, поцѣловалъ холодную руку, предназначавшуюся для скипетра одного изъ величайшихъ въ мірѣ царствъ и теперь обреченную тлѣнію, взглянулъ на блѣдное лицо, сквозившее сквозь покрывавшій Его флеръ, на цвѣты, которыми усыпанъ былъ трупъ,—и слезы невольно подступили къ глазамъ, и я вышелъ съ глубокою скорбью. Вся эта драма жизни и смерти, которую мы называемъ великою, конечно, ничто въ безконечномъ теченіи вещей; но если гдѣ есть мѣсто возбудиться человѣческому чувству, то, конечно, здѣсь, гдѣ нанесена такая глубокая скорбь сердцу одного изъ самыхъ благородныхъ Государей и одного изъ самыхъ добрыхъ людей».

«28 мая. Пятница. Половина перваго. Сейчасъ раздался печаль-

ный звонъ колокола, возвѣщавшій о погребеніи Наслѣдника. Я живу противъ самой Владимірской церкви и ясно слышу его грозный, скорбный напѣвъ.

Онъ былъ человѣкъ—Отецъ Его, Освободитель милліоновъ людей. Россія должна плакать, если у ней есть народное чувство, если она нація, а не случайное скопище—и въ настоящее время все отрицающихъ разнородныхъ элементовъ»[1]).

---

[1]) А. В. Никитенко «Записки и дневникъ».

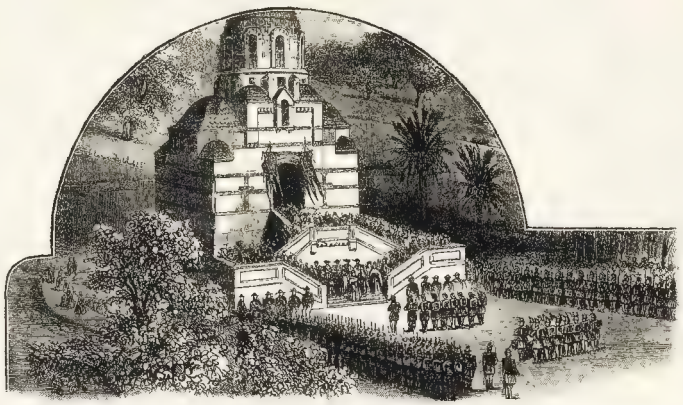
ЧИСОВНА НА МѢСТѢ КОНЧИНЫ ЦЕСАРЕВИЧА ВЪ НИЩѢ

Часовня, воздвигнутая въ память покойнаго Цесаревича Николая Александровича, возвышается на мѣстѣ той виллы, въ которой Онъ скончался.

Вилла эта, извѣстная подъ именемъ виллы Бермонъ съ громаднымъ садомъ, въ ноябрѣ 1865 года была пріобрѣтена въ собственность Императоромъ Александромъ II.

Вилла, занимаемая Цесаревичемъ, состояла изъ трехъ небольшихъ комнатъ, обращенныхъ на югъ; сосѣдняя съ ней обширная вилла (Pellion) была занята Императрицей. Кромѣ кровати, письменнаго стола и мелкихъ вещицъ, перевезенныхъ потомъ въ Россію, вся остальная скромная обстановка находится въ помѣщеніи русской церкви въ Ниццѣ; тамъ же помѣщенъ

Часовня въ память Цесаревича Николая Александровича.



Освященіе часовни. Изъ французской брошюры того времени.

и образъ Николая Чудотворца въ рѣзной деревянной рамѣ, висѣвшій надъ кроватью умершаго Цесаревича. Мѣсто, гдѣ стояла кровать покойнаго, до послѣдняго дня существованія виллы, украшалось цвѣтами и вѣнками, постоянно возобновляемыми находящимися въ Ниццѣ русскими.

Послѣ многихъ соображеній, какимъ способомъ использовать это мѣсто для увѣковѣченія памяти почившаго Цесаревича, было рѣшено соорудить памятникъ-часовню. Раньше были предложенія: оставить виллу въ неприкосновенномъ видѣ со всею ея обстановкой, а въ сосѣдней виллѣ, занимаемой Императрицею, помѣстить консульство и домъ для причта, или же выстроить на этомъ мѣстѣ новый большой храмъ.

Часовня была заложена 2 марта 1867 года и выстроена по проекту и подъ наблюденіемъ академика Гримма. Главное руководительство постройкой было возложено на камергера Двора Его Величества Скарятина.

Часовня выстроена въ строго византійскомъ стилѣ, занимаетъ площадь въ 200 кв. метровъ; вышина ея 19 метровъ; къ ней ведетъ широкая лѣстница въ 27 ступеней, въ три марша. Внутренность представляетъ фигуру греческаго креста, съ полукружіями съ правой и лѣвой стороны отъ входа. Внутри часовня богато отдѣлана инкрустаціей изъ разноцвѣтнаго караррскаго мрамора, снизу свѣтло-сѣраго цвѣта, затѣмъ до высоты $2^1/_2$ метровъ, гдѣ помѣщены иконы,изъ матоваго бѣлаго мрамора, а пояса по низу и вверхъ на 11 метровъ—изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ въ рисункахъ византійскаго стиля. Верхнія части стѣнъ и купола разрисованы фресками по золоченому фону. Внутри часовни размѣщены 22 иконы, работы академика Нефа, присланныя изъ Петербурга отъ Государя и Государыни, отъ полковъ гвардіи и отъ тѣхъ армейскихъ частей, шефомъ которыхъ числился покойный Наслѣдникъ.

Кромѣ иконы, Императрица прислала роскошный коверъ, вышитый золотомъ, серебромъ и шелками—это работа кавказскихъ дамъ; затѣмъ одѣяніе для поминальнаго столика изъ чернаго бархата съ серебрянымъ шитьемъ и для него же покрышку съ вышитыми съ каждой стороны широкими крестами. Эта покрышка собственной работы Императрицы. Всѣ эти вещи употребляются при ежегодно совершаемыхъ въ часовнѣ панихидахъ.

26 марта 1868 г. происходило освященіе часовни въ присутствіи прибывшаго для этого случая изъ Петербурга Великаго Князя Цесаре-

Внутренній видъ часовни.

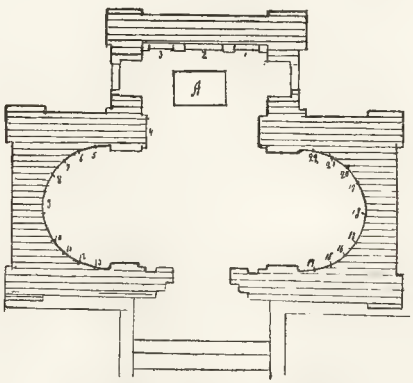
вича Александра Александровича. Присутствовали на торжествѣ многочисленная русская колонія, мѣстныя власти и войска мѣстнаго гарнизона.

Торжество освященія совершали: прибывшій изъ Парижа бывшій духовникъ покойнаго Цесаревича, протоіерей Прилежаевъ, и протоіерей Левицкій, тогдашній настоятель Ниццкаго храма.

Въ часовнѣ ежегодно совершаются панихиды три раза въ годъ: 8 сентября—въ день рожденія, 6 декабря—въ день тезоименитства и 12 апрѣля—въ день кончины Наслѣдника Цесаревича.

Расположеніе пожертвованныхъ иконъ можно видѣть на прилагаемомъ при семъ планѣ часовни:

А—Мѣсто, гдѣ стояла кровать и гробъ съ тѣломъ покойнаго Цесаревича.



Планъ часовни съ обозначеніемъ мѣстъ расположенія иконъ.

ИКОНЫ.

1. Воскресеніе Христово.

Отъ Государя и Императрицы.

По желанію Императрицы внизу образа высѣчена надпись: «Азъ есмь воскрешеніе и животъ: вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ. И всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки». (Іоаннъ гл. XI, ст. 25, 26.)

2. Св. Николай Чудотворецъ, копія съ извѣстной иконы въ Бари.

Отъ Гвардейскаго экипажа, отъ баталіона стрѣлковъ Императорской Фамиліи и отъ Л.-Г. Кирасировъ Е. В. полка.

3. Рождество Богородицы.

Отъ Главнаго Штаба всей Гвардіи.

Въ этотъ праздникъ 8 сентября было рожденіе Цесаревича. По желанію Императрицы внизу образа высѣчена надпись:

«Благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего». (Луки гл. I, ст. 42).

4. Святцы.

Отъ Л.-Г. Конно-Гренадерскаго полка.

5. Свв. Савватій и Зосима.

Отъ Л.-Г. Стрѣлковаго баталіона Е. В.

Отъ Царскосельскихъ стрѣлковъ.

6. Св. муч. Іероѳей.

Отъ Л.-Г. Кирасирскаго полка.

Отъ Черноморскаго казачьяго дивизіона.

7. Св. Мартиніанъ.

Отъ Л.-Г. Уланскаго Е. В. полка.

8 (вверху). Свв. ап. Петръ и Павелъ.

Отъ Гренадерскаго Кексгольмскаго полка.

8 (внизу). Благовѣщеніе.
Отъ Л.-Г. Коннаго полка.
9. Введеніе во храмъ Пр. Богородицы.
Отъ Л.-Г. Семеновскаго полка.
10 (вверху). Св. Троица.
Отъ Л.-Г. Измайловскаго полка.
Отъ баталіона саперъ.
10 (внизу). Вознесеніе Господне.
Отъ Л.-Г. Уланскаго полка.
11. Св. Муч. Юліанъ.
Отъ Л.-Г. Кирасирскаго Е. В. полка.
12. Св. Муч. Артемонъ.
Отъ Л.-Г. Гренадерскаго полка.
13. Св. Спиридоній.
Отъ Л.-Г. Финляндскаго полка.
14. Свв. Захарій и Елизавета.
Отъ Л.-Г. Кавалергардскаго полка.
15. Св. Муч. Миронъ.
Отъ Л.-Г. Гатчинскаго полка.
16. Св. Ольга.
Отъ Л.-Г. Гродненскаго Гусарскаго полка.
17. Св. Архангелъ Михаилъ.
Отъ Л.-Г. Московскаго и Литовскаго полковъ.
18. Преображеніе Господне.
Отъ Л.-Г. Преображенскаго полка.
Отъ всей Гвардейской Артиллеріи и отъ Л.-Г. Гренадерскаго С.-Петербургскаго полка.
19. Св. Александръ Невскій.
Отъ Л.-Г. Павловскаго полка отъ Л.-Г. Атаманскаго Его Высочества Наслѣдника полка.
20. Св. Евтихій.
Отъ дивизіона Уральскихъ казаковъ.

21. Св. Павелъ-Исповѣдникъ.
Отъ Л.-Г. Гусарскаго Е. В. полка.
22. Свв. Муч. Хрисанѳъ и Дороѳея.
Отъ Л.-Г. Драгунскаго полка.
Передъ каждой иконой висятъ античныя стильныя лампады.

НОВЫЙ ХРАМЪ ВЪ НИЩѢ НА МѢСТѢ КОНЧИНЫ ЦЕСАРЕВИЧА

Новый православный храмъ во имя Св. Николая въ Ницце, на виллѣ Бермонъ.

Новый православный храмъ во имя Св. Николая Чудотворца Миръ-Ликійскаго въ Ниццѣ.

12 апрѣля 1903 года на югѣ Франціи, въ Ниццѣ, состоялась закладка новаго православнаго храма во имя Святителя Николая Миръ-Ликійскаго Чудотворца въ садахъ виллы Бермонъ, гдѣ скончался 12 апрѣля 1865 года Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Существующій въ Ниццѣ православный храмъ, въ видѣ домовой церкви, выстроенъ въ 1859 году.

Такъ какъ съ каждымъ годомъ русская колонія все увеличивалась на французской Ривьерѣ, и старый храмъ въ большіе праздники не могъ уже вмѣщать всѣхъ молящихся, явилась потребность въ болѣе обширномъ храмѣ.

Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна во время Своего пребыванія съ покойнымъ Цесаревичемъ Георгіемъ Александровичемъ близъ Ниццы (въ La Turbie), ознакомившись съ положеніемъ стараго храма и съ нуждами прихода, выразила согласіе принять подъ Ея Августѣйшее Покровительство дѣло сооруженія въ Ниццѣ новаго храма.

Первымъ предсѣдателемъ «Высочайше утвержденной Комиссіи для построенія храма въ Ниццѣ» состоялъ Его Императорское Высочество Князь Георгій Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій. Храмъ рѣшено строить по проекту профессора академика М. Т. Преображенскаго.

СОСТАВЪ КОМИССІИ.

Первоначальный составъ Комиссіи въ 1900 году состоялъ изъ предсѣдателя и членовъ: сенатора В. А. Готовцева, консула Батурина, кн. С. М. Голицына, М. П. Арнольди, протоіерея С. Г. Любимова и діакона А. Д. Селиванова. Въ 1902 году выбыли В. А. Готовцевъ и консулъ Батуринъ; вступили консулъ А. Н. Деревицкій и вице-консулъ Юрасовъ. Въ 1903 г. А. Н. Деревицкаго замѣстилъ консулъ Л. В. Ислáвинъ. Въ 1904 году приглашенъ въ члены Комиссіи церковный староста Д. Н. Губаревъ. Въ 1906 г. приглашенъ въ члены Комиссіи представитель прихожанъ А. П. Гаденко и вице-консулъ Оффенбергъ, а Л. В. Ислáвина замѣстилъ консулъ С. А. Каншинъ.

Его Императорское Высочество Князь Георгій Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій въ 1907 году, вслѣдствіе нездоровья, сложилъ съ себя званіе предсѣдателя Комиссіи, принявъ званіе почетнаго предсѣдателя.

По Высочайшему повелѣнію назначенъ предсѣдателемъ строительной Комиссіи Россійскій посолъ въ Парижѣ А. И. Нелидовъ, а вице-предсѣдателемъ кн. С. М. Голицынъ. Для Комиссіи составлено новое положеніе, по которому образовался слѣдующій составъ Комиссіи, кромѣ предсѣдателя и вице-предсѣдателя.

Непремѣнные члены: консулъ, настоятель храма и церковный староста; въ дѣйствительные члены приглашены: представитель прихожанъ А. П. Гаденко, избранный секретаремъ, прихожанинъ полковникъ М. П. Арнольди (сконч. въ 1910 г.) и діаконъ, теперь священникъ, А. Д. Селивановъ, избранный казначеемъ. Затѣмъ приглашены въ члены Комиссіи: въ 1909 году В. Н. Бутовичъ, въ 1910 г. гр. П. Ф. Сумароковъ-Эльстонъ, въ 1911 г. П. А. Демидовъ.

Во все время завѣдыванія заграничными церквами Преосвященный Владиміръ, Епископъ Кронштадтскій, состоялъ членомъ строительной Комиссіи. Хотя главнымъ руководителемъ работъ состоялъ авторъ проекта профес. М. П. Преображенскій, но такъ какъ по мѣстнымъ

законамъ необходимо, чтобы отвѣтственнымъ лицомъ какъ за конструктивные пріемы, такъ и вообще за прочность зданія былъ французскій архитекторъ, поэтому Комиссіей былъ приглашенъ департаментскій архитекторъ г. Барбе, потомъ архитекторъ г. Марсъ, оба отказавшіеся по болѣзни; въ настоящее время для завѣдыванія работами приглашенъ архитекторъ г. Стекленъ.

Весною 1909 года А. И. Нелидовъ, по болѣзни, просилъ сложить съ себя званіе предсѣдателя, и Высочайшимъ приказомъ предсѣдателемъ Комиссіи назначенъ князь С. М. Голицынъ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССІИ.

Первое засѣданіе Комиссіи происходило 13/26 декабря 1900 года. Первоначально обсуждался вопросъ о расширеніи и переустройствѣ существующаго храма. Оказалось, что у сосѣднихъ съ храмомъ владѣльцевъ существуютъ сервитуты, запрещающіе возведеніе на этомъ мѣстѣ болѣе высокаго зданія.

Впослѣдствіи эти сервитуты были отчасти отмѣнены, но было поздно, такъ какъ постройка новаго храма была уже въ ходу.

На одномъ изъ первыхъ засѣданій Комиссіи рѣшено было пріобрѣсти участокъ земли для постройки новаго храма. Въ іюнѣ 1901 года былъ пріобрѣтенъ на Rue Verdi участокъ земли въ 1800 кв. метровъ. Было произведено зондированіе и испытаніе почвы, и оставалось только приступить къ работамъ. Но неприглядное положеніе купленной земли на задахъ большого отеля вызвало нареканія со стороны прихожанъ, тѣмъ болѣе, что было почти общее недовольство удаленіемъ новостроющагося храма отъ центра и удобныхъ путей сообщенія.

Въ апрѣлѣ 1903 года, по ходатайству Его Императорскаго Высочества предсѣдателя Комиссіи, Государь Императоръ разрѣшилъ постройку новаго храма въ саду виллы Бермонъ, гдѣ скончался Цесаревичъ Николай Александровичъ. Хотя это мѣсто тоже удалено

отъ центра города, но къ нему ведутъ нѣсколько линій электрическаго трамвая; кромѣ того это мѣсто уже составляло уголокъ Россіи и не

Шествіе изъ часовни послѣ панихиды къ мѣсту закладки новаго храма.

было чуждо русскому сердцу, благодаря пережитымъ въ 1865 году Царской Семьей, а съ Ней и всей Россіей горестнымъ событіямъ.

12 апрѣля 1903 г., въ день кончины Цесаревича, состоялась закладка новаго православнаго храма во имя Святителя Николая.

На торжествѣ закладки присутствовали: Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья и Великія Княгини: Михаилъ Николаевичъ, Михаилъ Михаиловичъ, Марія Александровна, Герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская, Анастасія Михаиловна съ дочерью, нынѣ Кронпринцессой Германской, предсѣдатель комиссіи Георгій Максимиліановичъ Князь Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, Князь Фердинандъ Болгарскій, мѣстные оффиціальные представители и множество русскихъ и иностранцевъ. Одной изъ первыхъ заботъ Комиссіи, кромѣ самой постройки, было позаботиться объ устройствѣ къ новому храму удобнаго широкаго проѣзда. Такъ какъ вилла Бермонъ была пріобрѣтена Императоромъ Александромъ II, когда это мѣсто еще не входило въ черту города, то при планировкѣ городскихъ улицъ оказалось, что вилла Бермонъ очутилась окруженной чужими землями и сообщающейся съ новымъ бульваромъ (Boulevard du Czarewitch) узенькимъ переулочкомъ въ 4 метра шириною и болѣе 50 метровъ длиною.

Тогда на помощь Комиссіи пришелъ владѣлецъ новаго сосѣдняго роскошнаго отеля (Hôtel Impérial) г. Ге, который подарилъ для проѣзда къ храму изъ своихъ владѣній широкую полосу земли. Этотъ даръ нѣсколько облегчилъ задачу Комиссіи, но не вполнѣ разрѣшилъ, такъ какъ подаренный г. Ге проѣздъ велъ не на главный бульваръ, на югъ, откуда долженъ открываться видъ на храмъ, а въ новую узенькую улицу на востокъ. Покупать землю для устройства широкаго проѣзда отъ храма на бульваръ Цесаревича у Комиссіи не было средствъ, тѣмъ болѣе, что сосѣдніе владѣльцы запрашивали непомѣрную цѣну. Наконецъ, судьба смилостивилась надъ Комиссіей, и новый, случайный владѣлецъ обширнаго участка въ 3000 кв. метровъ, лежащаго между новостроющимся храмомъ и бульваромъ Цесаревича, согласился обмѣнять этотъ участокъ на землю, купленную раньше Комиссіей на Rue Verdi. Эту послѣднюю Комиссія тщетно пыталась продать, но за нее предлагали такъ дешево, что она оставалась непроданной.

Теперь, послѣ проведенія къ храму широкаго проѣзда съ бульвара Цесаревича, остальная земля, около 2400 кв. метровъ, обращенная

прямо на югъ, что въ Ниццѣ очень цѣнится, передана Комиссіей въ Церковное Управленіе. Отъ этого послѣдняго уже будетъ зависѣть, если обстоятельства заставятъ эти участки продать, установить такіе сервитуты, чтобы здѣсь не было возведено высокихъ строеній, загра-

Закладка храма 12/25 апрѣля 1903 года.

ждающихъ видъ на храмъ; а главное, чтобы не было открыто какихъ-либо заведеній, нарушающихъ благопристойность мѣста. Желательно было бы, если бы Церковному Управленію была возможность удержать эти участки за собой, чтобы здѣсь впослѣдствіи могъ быть по-

строенъ домъ для причта; могли бы быть помѣщены и другія русскія учрежденія.

Проведеніе проѣзда къ новому храму сдѣлано Комиссіей на свои средства, содержаніе же этого бульвара городъ принялъ на свой счетъ, въ благодарность русской колоніи, украсившей городъ такимъ красивымъ стильнымъ сооруженіемъ. Бульваръ этотъ включенъ въ списокъ городскихъ улицъ и, съ разрѣшенія Государя Императора, названъ «Avenue Nicolas II».

Точное выполненіе Высочайше утвержденнаго проекта проф. Преображенскаго, употребленіе на постройку дорогого бѣлаго матоваго камня (Lens), въ родѣ мрамора, художественная скульптурная отдѣлка оконъ, дверей, карнизовъ по твердому камню,—все это потребовало очень большихъ средствъ. Комиссія была поставлена въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ сдѣлать сокращеніе и упрощеніе проекта она была не въ правѣ, да и нежелательно было искажать чудное сооруженіе и на такомъ памятномъ для Россіи мѣстѣ, а денежныя средства приходили къ концу. Тогда на помощь этому святому дѣлу явился щедрый Царскій даръ, который былъ отпущенъ въ 1908 г. съ такимъ расчетомъ, чтобы на него возможно было докончить постройку храма въ существенныхъ его частяхъ, но безъ внутренней отдѣлки. Предсѣдатель Комиссіи князь С. М. Голицынъ своимъ крупнымъ пожертвованіемъ также пришелъ на помощь, и теперь Комиссія надѣется закончить постройку храма къ веснѣ 1912 года. Сооруженный храмъ представитъ собою памятникъ лучшей эпохи нашего церковнаго зодчества и, созданный за границею, въ мѣстѣ, куда съѣзжаются со всѣхъ концовъ міра,—послужитъ наглядымъ доказательствомъ величія Россіи и святой Православной Церкви.

Эскизъ иконостаса для новаго храма въ Ниццѣ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ БИБЛИОТЕКА

Иконостасъ исполняется Московской фирмой Хлѣбникова, по рисунку худ. Пяновскаго, иконопись А. А. Глазунова.